U 152/160

И 152/160

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ

ПРИ

КОНЦѢ И НАЧАЛѢ СВОЕГО БОЕВАГО ПОПРИЩА.

—

ПЕРВАЯ ВОЙНА

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

СЪ

НАПОЛЕОНОМЪ I

ВЪ 1805 ГОДУ.

Соч. И. Бутовскаго.

1 3/9 45.

ф. 31-26846

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, 8-го Апрѣля 1858 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

2007111245

(Изъ №№ 64, 65, 66, 67, 68 и 69-го «Русскаго Инвалида» 1858 года.)

С.-Петербургъ. Печатано въ Военной Типографіи 1858 года.

И 152
160

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ ПРИ КОНЦѢ И НАЧАЛѢ СВОЕГО БОЕВАГО ПОПРИЩА.

Болѣе года назадъ, въ статьѣ Полковника Лебедева «О Стрѣлковыхъ Баталіонахъ» упомянуто было о первоначальной служебной извѣстности Кутузова, какъ шефа Бугскаго Егерскаго Корпуса, въ 1788 году, и доказано, что въ тогдашнемъ начальникѣ четырехъ-батальоннаго корпуса видѣнъ былъ человѣкъ, просвѣщенный наукою, богатый военнымъ опытомъ, вполнѣ знакомый съ потребностями и нуждами солдатъ и справедливо считавшій военное образованіе своихъ подчиненныхъ лучшими и надежнѣйшими началами успѣховъ при дѣйствіяхъ противу врага; краткій этотъ очеркъ былъ заключенъ слѣдующими словами: «Надѣемся, что простой разсказъ нашъ и сообщаемые акты лучше всего докажутъ начало того довѣрія и уваженія, которыми впослѣдствіи пользовался Кутузовъ въ Россіи и Русской Арміи. Онъ былъ вѣренъ старинной пословицѣ: «*Берегп платье съ-нову, а честь съ-молоду*», и спокойно, терпѣливо, разумно исполнялъ во всей точности каждое изъ возлагаемыхъ на него порученій, какъ будто въ этомъ была вся цѣль его служебной дѣятельности. Года, пріобрѣтенное довѣріе и обстоятельства увеличили кругъ дѣйствій скромнаго и даровитаго командира Бугскаго Егерскаго Корпуса; знаніе дѣла и опытность Кутузова являлись все въ большемъ и большемъ свѣтѣ, и скоро обстоятельства поставили его во главѣ Русской Арміи. Когда же, уставъ отъ соперничества, козней, маститый вождь думалъ о покоѣ и забвеніи, внезапно раздались громы: гибель грозила отечеству, взоры всѣхъ обратились на Кутузова, «*глась народной вѣры воззвалъ къ его святой сѣдинѣ—иди, спасай!*» и вождь, съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ оправдалъ общія надежды Россіи. Такимъ образомъ, совѣстливое и отчетливое служеніе отечеству приготовило Кутузова, съ младшихъ чиновъ и званій, для будущаго великаго поприща. На сороковомъ году жизни, послѣ блистательной и трудной службы, тяжелыхъ, можно сказать, *безпримѣрныхъ*, ранъ и необыкновенныхъ подвиговъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; спустя шесть лѣтъ онъ уже генералъ-поручикъ; чрезъ восемь лѣтъ

полный генералъ, а черезъ четырнадцать, на шестьдесятъ-восьмомъ году отъ рожденія, генералъ-фельдмаршалъ, и въ эти двадцать восемь лѣтъ служенія въ генеральскихъ чинахъ, замѣченный и оцѣненный Екатериною, даровитый и точный командиръ Бугскаго Егерскаго Корпуса успѣлъ записать свое имя въ исторіи, какъ главный виновникъ паденія Измаила, участникъ въ пораженіи Турокъ при Мачинѣ, посланникъ въ Царьградѣ, Стокгольмѣ и Берлинѣ, директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса, приготовившій въ кадетѣ Толѣ будущаго своего генералъ-квартирмейстера, военный губернаторъ въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, главнокомандующій въ 1799, 1805, 1811, 1812 и 1813 годахъ... Кто не согласится, что сорокъ лѣтъ добросовѣстной, трудолюбивой, преданной наукѣ и службѣ жизни принесли обильные плоды въ послѣдующія двадцать восемь лѣтъ жизни Кутузова?...»

Написать жизнеописаніе Князя Михаила Иларіоновича есть трудъ огромный, но тѣмъ не менѣе трудъ необходимый, въ особенности въ настоящее время, когда, послѣ безотчетныхъ восторговъ, проявляется столь же безотчетное осужденіе того, что до сихъ поръ составляло достояніе нашей народной славы. Будемъ строги, но будемъ же и справедливы, и не побоимся называть великимъ полководцемъ того, кто дѣйствительно былъ великій полководецъ; скажемъ это во всеуслышаніе европейскаго міра, гдѣ часто пристрастно или произвольно произносятъ о насъ сужденіе, и вообще потому, что мы сами готовы сегодня наложить руку на то, чѣмъ восхищались или чему удивлялись еще вчера.

Въ настоящее время явилось нѣсколько статей о кампаніяхъ 1812 года; двѣ изъ нихъ, «*Сраженіе при Лубинѣ* (*)» и «*Послѣднее время предъ войною 1812 года* (**)», принадлежатъ Г.-М. Богдановичу и суть отрывки изъ приготовляемой имъ къ печатанію «Исторіи Отечественной Войны»; оба эти отрывка показываютъ, что авторъ пользовался многими драгоцѣнными матеріалами, неизвѣстными, или оставленными безъ вниманія генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Одно уже это должно сдѣлать сочиненіе Генералъ-Маіора Богдановича важнымъ пособіемъ для изученія столь многозначительнаго событія въ исторіи нашего отечества; но изъ напечатанныхъ отрывковъ не видно, каково будетъ мнѣніе автора объ одномъ изъ главныхъ героевъ 1812 года, Кутузовѣ, а это составляетъ самую труднѣйшую задачу, ибо какъ отдать справедливость забытымъ прежнимъ историкомъ дѣятелямъ великой эпохи и въ то же время не затемнить славы вождя, из-

(*) «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. Декабрь, книжка вторая.

(**) «Библіотека для Чтенія», 1858, Мартъ № 3.

браннаго на подвигъ общимъ голосомъ всей Россіи?... Здѣсь изъ ложно понимаемаго безпристрастія можно впасть въ крайности, и, желая быть новымъ, можно сдѣлаться несправедливымъ. Въ эту именно ошибку впалъ Тьеръ, обнаружившій, въ четырнадцатомъ томѣ своей «Исторіи Консульства и Имперіи», самое забавное незнаніе обстоятельствъ жизни Кутузова и грубое пристрастіе, когда началъ говорить о степени участія Кутузова въ событіяхъ кампаній 1805 и 1812 года. Сочиненіе Тьера вызвало возраженіе со стороны ближайшаго наслѣдника покойнаго фельдмаршала; но возраженіе это нынѣ парализовано рядомъ весьма короткихъ отрывковъ, появляющихся въ той же газетѣ, гдѣ было напечатано возраженіе на Тьера въ защиту Кутузова. Отрывки, о которыхъ говоримъ мы, имѣющіе между собою мало общаго и почти безсвязные, печатаются въ «Сѣверной Пчелѣ», подъ заглавіемъ: *Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной Войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857* годахъ. Собственно говоря, «Мысли» были высказаны въ первыхъ двухъ отрывкахъ, а затѣмъ авторъ (хотя до сихъ поръ и не подписавшій своего имени, но въ которомъ, по частымъ ссылкамъ на прежде-изданныя сочиненія, нельзя не узнать извѣстнаго И. П. Липранди) начинаетъ скромное повѣствованіе о своей дѣятельности въ 1812 году, о значеніи тогдашняго генеральнаго штаба въ арміи и прочихъ, повидимому, очень важныхъ для него и очень неважныхъ для публики, предметахъ, пересыпая эти разглагольствія нападками на сочиненіе генерала Михайловскаго-Данилевскаго и опроверженіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его дѣйствительно невнимательно составленнаго повѣствованія. Направленіе и взглядъ автора большею частію знакомы изъ прежде-изданнаго г. Липранди сочиненія *«О настоящихъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи»* и пр.; но на этотъ разъ г. Липранди не ограничивается однимъ только разборомъ кампанія 1812 года; онъ высказываетъ свои собственныя мысли о теоріи военнаго искусства, раздаетъ вѣнки тѣмъ, кто ему нравится, и съ безусловною строгостію поступаетъ съ тѣми, кто заслужилъ его немилость. Подождемъ, чѣмъ это окончится, но на первый разъ не можемъ удержаться отъ того, чтобы не высказать, какое тяжелое чувство производитъ на душу повтореніе г. Липранди словца *я*, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ: нужно ли рѣшить современные вопросы военной науки, или сказать какъ должно писать исторію, или пояснить, что такое *настоящій и ненастоящій* генеральный штабъ—г. Липранди беретъ себя и свое *я* исходною точкою. Называя себя самъ человѣкомъ *необразованнымъ* (въ военной теоріи), г. Липранди смѣло судитъ и рядитъ о всемъ.

И, наконецъ, не грустно-ли встрѣчать, рядомъ съ именами Кутузова, Барклая, Багратіона и всѣхъ именитыхъ людей двѣнадцатаго года, безпрестанное повтореніе *я, я, я*, г. И. П. Липранди.

Мы однако разговорились о г. Липранди гораздо болѣе, чѣмъ заслуживаютъ отрывочныя статьи его; подождемъ появленія послѣдняго отрывка и тогда скажемъ свое о нихъ мнѣніе; теперь же снова обратимся къ Кутузову. Г. Липранди заслуживаетъ особеннаго упрека за то, что, будучи очевидцемъ происходившаго въ 1812 году, онъ не хотѣлъ или не умѣлъ понять нашего великаго полководца, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говоритъ о немъ, дѣлаетъ это съ легкостію тона, неприличною для Русскаго, цѣнящаго свою народную славу. Кутузовъ могъ имѣть своихъ завистниковъ и недоброжелателей; но какъ же офицеру генеральнаго штаба, имѣвшему завидное счастіе видѣть Кутузова и состоять подъ его начальствомъ, лишить себя удовольствія разговориться о томъ, какими средствами умѣлъ маститый вождь одушевлять солдатъ своихъ и заставлять ихъ рѣшаться даже на невозможное.

Мы не хотимъ писать критическаго разбора сочиненія г. Тьера, но, дабы показать, до какой степени были ложны и произвольны всѣ его отзывы о Кутузовѣ, помѣстимъ здѣсь рядъ семейныхъ писемъ Князя Михаила Иларіоновича, гдѣ самъ онъ или писавшій по приказанію Князя, зять его, Князь Кудашевъ, сообщаютъ извѣстія о происходившемъ съ 11-го Сентября по 15-е Декабря 1812 года; письма эти вполнѣ доказываютъ, до какой степени спокойно и ясно смотрѣлъ нашъ полководецъ на значеніе совершившихся событій, заранѣе предвидѣлъ исходъ ихъ и въ послѣднемъ письмѣ высказалъ самъ, въ чемъ состояла заслуга, которую сдѣлалъ онъ для Россіи.

За сообщеніе этихъ истинно драгоцѣнныхъ документовъ, приносимъ мы искреннюю благодарность старшему внуку Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго, Павлу Матвѣевичу Толстому (*). Письма были писаны его дѣдомъ къ матери П. М. Толстаго, Прасковьѣ Михайловнѣ, урожденной Кутузовой, и отцу его, Сенатору Матвѣю Ѳедоровичу Толстому. Мы испросили разрѣшеніе сохранить ихъ со всѣми особенностями правописанія.... Повторяемъ, что французскія письма принадлежатъ Князю Кудашеву; на нихъ свѣтлѣйшій приписывалъ своею рукою по

(*) Павелъ Матвѣевичъ Толстой, чтя память своего великаго дѣда, опредѣлилъ ежегодно на вѣчныя времена въ полкъ его имени по 300 р. сер. на поминовеніе и, сверхъ того, содержитъ на свой счетъ двухъ инвалидовъ того же полка при памятникѣ, устроенномъ въ С. Покровскомъ, д. Моча, гдѣ Князь Кутузовъ пробылъ три дня до передвиженія на калужскую дорогу. Изъ пяти дочерей Князя Смоленскаго — *старшая* — Прасковья Михайловна, была въ замужствѣ за Сенаторомъ Матвѣемъ Ѳеодоровичемъ Толстымъ; *вторая* — Анна Михайловна — за Хитровымъ; *третья* — Елисавета Михайловна — сначала за Тизенгаузеномъ, а потомъ за Хитровымъ; *четвертая* — Екатерина Михайловна — за Княземъ Кудашевымъ, а потомъ за Сорочинскимъ, и *пятая* — Дарья Михайловна, за Опочининымъ.

нѣскольку строкъ или писалъ тутъ же особое письмо по-русски, а когда Князь Кудашевъ былъ посланъ для партизанскихъ дѣйствій, Михаилъ Иларіоновичъ самъ велъ переписку.

Просимъ читателя *обратить вниманіе на числа*, когда были писаны письма эти и вспомнить, послѣ какихъ событій онѣ были написаны.

«11-го Сентября. По оставленіи Москвы.

Кудашевъ, сообщая о домашнихъ дѣлахъ, писалъ между прочимъ: «Vous pouvez rester tranquillement chez vous car nous, portons le theatre de la guerre en environ Тула et Калуга» (т. е. Вы можете оставаться спокойно, ибо мы переносимъ театръ войны въ окрестности Тулы и Калуги).

Кутузовъ, только-что рѣшившій оставленіе Москвы, приписалъ своею рукою: «Боже васъ благослови; вѣрный другъ Михайло Г. Ку.»

15-го Сентября—въ 55 верстахъ отъ Москвы.

Здѣсь Кудашевъ съ большею подробностію разсказываетъ о послѣдствіяхъ перехода съ рязанской дороги на калужскую и намѣкаетъ на будущіе планы фельдмаршала.

«Je m'imagine, bien mes chers amis, dans quelles inquiétudes vous vous trouvez à present; votre lettre, charmante et bonne amie, n'est rempli que de questions moi si effreyante que je ne veux plus vous repondre sur aucune d'elles. Le Фельдъегерь, qui vous a été envoyé il y a quatre, a du vous apprendre toutes les bonnes nouvelles donc je vous en fait part. Maintenant, mes amis, nous sommes a couvrir les chemins de Toula et Kalouga, donc vous êtes en plein sureté. L'ennemie a la verité avoir pris la direction par Kolomna, mais c'etoit jusqu'au moment qu'il ignorat notre direction; à l'instant même nous apprenons qu'il est vis-à-vis de nous, et vous jugez par la qu'il ne peut plus garder ni la route de Moscou, ni celui de Vlodimyr, ni de Erosslavle, car vous n'ignorez pas, mes bons amis, que la guerre est faite pour que les armée sse voyent se touchent (т. е. Могу вообразить, мои добрые друзья, въ какомъ безпокойствѣ вы теперь находитесь; ваше письмо, милый и добрый другъ, наполнено такими ужасающими вопросами, что я не хочу отвѣчать ни на одинъ. Посланный тому четыре дня фельдъегерь уже сообщилъ вамъ отъ меня всѣ хорошія новости (*). Теперь, мои друзья, мы прикрываемъ дороги въ Тулу и Калугу, и потому вы въ совершенной безопасности. Непріятель дѣйствительно взялъ направленіе на Коломну до той минуты, покуда не зналъ о нашемъ движеніи; сейчасъ мы узнали, что онъ стоитъ противъ насъ, и потому вы можете судить, что ему нельзя охранять дороги въ Москву, Владиміръ

(*) Кудашевъ увѣдомлялъ о пожалованіи М. Ѳ. Толстаго въ сенаторы.

и Ярославль, ибо вамъ не безъизвѣстно, добрые друзья мои, что война ведется для того, чтобы арміи видѣли и соприкасались одна другой).

Князь Кутузовъ приписывалъ: «Мой другъ, Парашенька, я васъ никогда не забывалъ и недавно къ вамъ отправилъ куріера. Теперь и въ преть надеюсь въ Данковѣ безопасно, а ежели бы приближились (на что еще никакихъ видимостей нѣтъ), тогда можно вамъ дале уехать. Я баталію выигралъ прежде Москвы, но надобно зберегать армію и она целехонька, а скоро все наши арміи, то есть Тормозовъ Чичеговъ Витгенштейнъ и еще другіе станутъ дѣйствовать къ одной цѣли и Наполеонъ долго въ Москвѣ не пробудетъ. Боже васъ всѣхъ благослови. Верной другъ Михайло Г. Ку»

Далѣе приводимъ письма Князя Михаила Иларіоновича о расположеніи въ тарутинскомъ лагерѣ и начатіи партизанскихъ дѣйствій, боѣ при Тарутинѣ, преслѣдованіи Французовъ и окончательномъ ихъ изгнаніи изъ Россіи. Въ особенности замѣчательно послѣднее письмо.

«1-го Октября.

«Я слава богу здоровъ, стоимъ уже болѣе недѣли на одномъ месте и съ Наполеономъ смотримъ другъ на друга, наступать выжидаемъ время, между тѣмъ малейшими честми деремся всякой день и поныне всегда удачно, всякой день беремъ въ полонъ человѣкъ по триста и теряемъ такъ мало, что почти ничего. Кудашевъ разбойничаетъ также съ партіей и два хорошихъ дела имелъ. . . .

«Въ Резань можете быть спокойны къ вамъ никакой Французъ не зайдетъ.»

«8-го Октября.

«Шестаго числа была баталія при Чернишне я атаковалъ непріятеля вотъ копія съ реляціи.»

«17-го Октября.

«Парашинка мой другъ съ Матвеемъ Федоровичемъ и съ детками здравствуй. я слава Богу здоровъ, почти дня покоя нетъ, непріятель бежитъ изъ Москвы и мечится во все стороны и везде надобно поспевать, хотя ему очень тяжело но и намъ за нимъ бегать скучно, теперь уже онъ удираетъ на смоленскую дорогу. Теперь вы далеко отъ театра и будте спокойны. Боже васъ благослови.

«21-го Октября, за сорокъ верстъ отъ Вязьмы.

«Парашинка мой другъ съ Матвеемъ Федоровичемъ и съ детками здравствуй, Фадей (*) вамъ скажетъ что я слава Богу здоровъ и гонюсь за Французами. Боже васъ благослови.»

(*) Человѣкъ князя.

«15-го Декабря, Вилна.

«Посылаю къ вамъ того же офицера который былъ у васъ въ деревне отъ его услышите обо всемъ. Я слава Богу здоровъ и въ удивленіи что какая то невидимая сила перенесла меня сюда въ тотъ же домъ, въ ту же спалню, на ту же кровать где я жилъ невступно два года назадъ.

«22-го Августа засталъ я армію скрывающуюся отъ непріятеля, а 6-го Декабря, непріятель съ бедными остатками бежитъ за границу нашу. *Разумейте языцы, и покаряйтесь яко съ нами Богъ.* Боже васъ благослови

вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

«12-го Декабря Государь надѣлъ на меня первый классъ георгия.»

Такъ мыслилъ и дѣйствовалъ Кутузовъ при концѣ своего достохвальнаго поприща; взглянемъ же теперь на полководца нашего, когда судьба войны забросила его съ 40-тысячнымъ корпусомъ, въ 1805 году, въ средину Германіи и поставила лицемъ къ лицу съ Наполеономъ. Всѣ, доселѣ совершенно неизвѣстныя подробности этой кампаніи, содержатся въ помѣщаемой вслѣдъ за симъ рукописи, подъ заглавіемъ: «Первая война Александра I съ Наполеономъ I. 1805 годъ.— Авторъ ея, г. Бутовскій, служилъ рядовымъ и потомъ портупей-прапорщикомъ въ Московскомъ Мушкетерскомъ Полку и весьма отчетливо записывалъ все, поражавшее его вниманіе. Записки г. Бутовскаго, кромѣ значенія въ военномъ отношеніи, важны какъ живая и вѣрная картина прошлаго; весь разсказъ дышетъ истиною и написанъ увлекательно.

Читатель увидитъ, что Кутузовъ, съ которымъ мы познакомились почти при концѣ его боеваго поприща, былъ всегда одинъ и тотъ же, именно любимѣйшій изъ всѣхъ генераловъ своими солдатами и оправдывавшій эту любовь своею находчивостію, спокойствіемъ, рѣшимостію и тѣмъ глубокимъ сочувствіемъ къ солдату, которое дается въ удѣлъ немногимъ.

Офицеръ Генеральнаго Штаба.

ПЕРВАЯ ВОЙНА АЛЕКСАНДРА I-го СЪ НАПОЛЕОНОМЪ I-мъ.—1805 ГОДЪ.

Описывая боевое время Александра Благословеннаго, невольно увлекаешься—присоединить къ военнымъ очеркамъ 1805 нѣсколько словъ и о давно минувшемъ житьѣ-бытьѣ.

На восьмомъ десяткѣ лѣтъ мною пройденной жизни, перебирая въ памяти былое, сколько открываю различія между прошедшимъ и настоящимъ, между Россіей временъ Екатерины и Павла, и тою, которую видимъ нынѣ во всемъ ея блескѣ и крѣпости!

Изъ эпохи достопамятнаго царствованія Екатерины Великой, помню хорошо одно только *24-е Ноября*, день тезоименитства нашей безсмертной Царицы. Хотя я былъ еще мальчикомъ и дѣтство мое протекло въ самой глуши, но и тамъ всѣ сословія ожидали этого дня съ особыми приготовленіями, и, празднуя его, ликовали имя своей Августѣйшей Благодѣтельницы, такъ сказать, въ-запуски.... Что во дни Ея владычества народъ блаженствовалъ, о томъ былъ общій голосъ. Не разъ доводилось слышать похвалы Ея *«Наказу»*; не понимая значенія этого слова, и толкуя его въ превратномъ смыслѣ, я дивился, что превозносятъ розгу, которая такъ пугала меня, и была тогда въ обычномъ употребленіи при воспитаніи дѣтей.

Осталось также въ памяти, какъ дядюшка мой, читая «Московскія Вѣдомости», любовался похожденіями молодаго Бонапарте, говоря: «Этотъ дѣтина далеко пойдетъ!»

Еще до вступленія на солдатское поприще, съ дѣтства мною любимое, я уже, на 14-мъ году жизни, считался на службѣ съ Октября 1798 года по части гражданской. Покойная матушка моя, оставшись вдовою, слишкомъ рано оторвала меня отъ наукъ и опредѣлила въ Кіевское Губернское Правленіе; въ этомъ-то правительственномъ мѣстѣ, не смотря на юныя лѣта, въ памяти моей сильно запечатлѣлись замѣчательные годы царствованія Императора Павла Петровича. Наиболѣе мнѣ врѣзались въ душу—непомѣрная быстрота и точное исполненіе Его царскихъ велѣній. Какъ нѣкимъ волшебствомъ, почти одновременно, были прорѣзаны по всѣмъ направленіямъ Имперіи нынѣ существующія широкія столбовыя дороги; вмѣстѣ съ тѣмъ учреждены по городамъ и селамъ, даже по деревнямъ и деревушкамъ, шлагбаумы. Безъ вида отъ сельскаго старшины или сотскаго, далѣе пяти верстъ отъ мѣста жительства, никто не могъ пройти: и въ самое короткое время прекратились разбои, дотолѣ наводившіе повсемѣстный ужасъ! По всѣмъ отраслямъ гражданскаго вѣдомства разомъ введенъ строгій надзоръ и порядокъ; разгулъ неправды и лихоимства вдругъ исчезъ, и на мѣсто его воцарилась строжайшая справедливость, воинская дисциплина вездѣ замѣнила пошатнувшуюся подчиненность. При столь крутыхъ, но общеполезныхъ перемѣнахъ, послѣдовало измѣненіе и по части военной: русскія войска явились въ новой формѣ; она была несравненно сложнѣе и тяжелѣе формы временъ Екатерины II, однако это не помѣшало Суворову громить Французовъ. По духу того времени, Императоръ Павелъ находилъ необходимымъ нѣсколько болѣе озаботить войска аммуниціей и фронтовою выправкой; за то уже каждая копѣйка доходила до рукъ солдата: недовольные, въ день инспекторскаго смотра, клали себѣ за перевязь жалобы.

Инспекторъ (*), проходя по фронту, самъ ихъ вынималъ, и на мѣстѣ же чинилъ расправу и строгое взысканіе съ виновныхъ. Живо помню тогдашніе вахтъ-парады! Нижніе чины въ пѣхотѣ носили зеленые мундиры прусскаго покроя, съ долгими полами, схваченными на крючекъ, и подбоемъ изъ красной или бѣлой каразеи; по цвѣту воротника и обшлаговъ; галстухъ узенькій, шляпы треугольныя (**) съ кокардами и оторочкой изъ бѣлой тесьмы, волоса подъ пудрой съ буклями и длинною косою, панталоны бѣлаго сукна, и вмѣсто сапогъ башмаки и штиблеты; портупею и перевязь бѣлыя, патронныя сумы изъ черной лакированной кожи съ Императорскимъ гербомъ, и на плечахъ телячій ранецъ на бѣлыхъ кожаныхъ почочахъ,—все было пригнато щегольски, въ обхватъ: солдатскіе тесаки и ружья были тяжелые, съ широкимъ штыкомъ. Унтеръ-офицеры носили галуны съ двухсаженными алебардами и тростью подлѣ тесака. Офицерскіе мундиры были того же покроя, долгополые, съ короткимъ воротникомъ и длиннымъ лифомъ; къ нимъ присоединялись серебряный шарфъ, серебряный знакъ на груди, треугольная шляпа безъ оторочки и экспантонъ въ рукахъ; начальникъ полка, баталіонные командиры и адъютанты ѣздили на куцыхъ лошадяхъ: весь этотъ нарядъ нѣсколько походилъ на крестоносцевъ среднихъ вѣковъ, и имѣлъ видъ картинный, по тогдашнему плѣнительный. Часто я, разиня ротъ, восхищался русскимъ строемъ, и грустилъ, что запрещали послѣдовать непреодолимому влеченію вступить въ ряды солдатъ. На инспекторскихъ смотрахъ, особенно во время прохожденія корпусовъ черезъ Кіевъ, на сборные пункты подъ Черниговъ, я день въ день, съ утра до вечера, торчалъ на площадяхъ, и съ завистью смотрѣлъ на служивую молодежь; прибывшіе изъ Италіи и того болѣе волновали кровь; многіе изъ офицеровъ имѣли по два или по три креста; въ Повало-Швейковскомъ Полку (***) офицеры всѣ до одного были съ орденами. Толпившійся кругомъ

(*) Нынѣшнія дивизіи тогда именовались *инспекціями*, а начальники дивизій—*инспекторами*.

(**) Кромѣ гренадеровъ, у которыхъ вмѣсто шляпъ были острыя латунныя каски, съ надписью: *Съ нами Богъ*! Теперь въ одномъ только Лейбъ-Гвардіи Павловскомъ Полку сохранились на память павловскія каски.

(***) Полки именовались тогда по именамъ своихъ шефовъ, а такъ какъ шефы часто перемѣнялись, иногда на мѣсяцъ по два и по три, то эта поименная *численность* полковъ въ русской арміи, почти безпрерывно умножавшаяся во все продолженіе италійской кампаніи, пугала французскихъ генераловъ и приводила въ заблужденіе: великій Суворовъ и съ малыми силами постоянно торжествовалъ надъ многочисленными противниками. Непріятель никакъ не подозрѣвалъ, что одинъ и тотъ же полкъ посилъ въ теченіи мѣсяца три и болѣе именъ и эта мистификація сильно дѣйствовала на Французовъ, при быстротѣ и натискѣ Русскихъ, водимыхъ безсмертнымъ Суворовымъ.

С.С.С.Р.

меня народъ, любуясь и благословляя русскую рать, бормоталъ промежъ себя: «Что, сударики наши идутъ на новую драку, куда-то за море Каспію..» Это приводило меня въ отчаяніе до того, что мнѣ хотѣлось бѣжать изъ Губернскаго Правленія въ первый ближайшій полкъ. Секретарь Заковтобскій, которому поручено было отъ моей матери наблюденіе за мною, узнавъ о моей привязанности къ воинской регулѣ и частыхъ отлучкахъ при проходѣ войскъ, арестовалъ меня на цѣлую недѣлю. Вдругъ смерть Императора Павла поразила всѣхъ до глубины души! Заковтобскій, не знаю почему, какъ-то сдѣлался смѣлѣе, грозилъ, что арестуетъ меня на мѣсяцъ, и разсказалъ о моей воинской страсти совѣтникамъ Ергольскому и Пражевскому, которые однако ко мнѣ благоволили.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра, сдѣланы въ войскахъ нѣкоторыя перемѣны. Прежде всего отмѣнены офицерскіе экспантоны и прежній покрой мундира; въ то же время отброшены штиблеты и пукли: длина же косы укорочена только по воротникъ. Но другія нововведенія Павла, по гражданской администраціи, и все что относилось къ фронту и военной дисциплинѣ, за немногимъ лишь исключеніемъ, сообразно съ ходомъ новѣйшихъ улучшеній, славные преемники его послѣдовательно удержали навсегда.

Съ небольшимъ черезъ годъ по воцареніи Александра, обнародованъ указъ: «что русскій дворянинъ, первоначально не служившій въ военной службѣ, не можетъ быть принятъ къ статскимъ дѣламъ».— Содержаніе указа, ясно опредѣлявшее прямую обязанность дворянина, вступающаго на поприще служенія, еще болѣе побудило меня перемѣнить родъ службы. Хотя я уже состоялъ въ чинѣ Коллежскаго Регистратора, однако считалъ позволительнымъ, вопреки запрещенію моей матери, промѣнять перо на шпагу. Чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ чернилъ и аргуса, Заковтобскаго, я не долго медлилъ, и, написавъ на Высочайшее имя прошеніе, явился къ Военному Губернатору Тормасову. При выходѣ Тормасова къ просителямъ, наружность моя и лѣта обратили его вниманіе; онъ прямо подошелъ ко мнѣ, и я подалъ ему просьбу; пробѣжавъ ее съ улыбкою, онъ спросилъ меня: «Ты желаешь, голубчикъ, служить подъ ружьемъ?— Точно такъ!—Да знаешь-ли, что не иначе будешь принятъ какъ подпрапорщикомъ: ты теряешь статскій чинъ (*).—Знаю, отвѣчалъ я,—но готовъ служить даже рядовымъ!» Военный губернаторъ взглянулъ на приблизившагося къ намъ генерала, Дмитрія Сергіевича Дохтурова, и, взявъ меня за подбородокъ, сказалъ:

(*) Пріемъ съ пониженіемъ чина изъ статской службы въ военную многихъ тогда поражалъ своею новостію: удивлялись данному преимуществу военныхъ, пока, наконецъ, увидѣвъ, какъ дорого обходятся заслуги воину, особенно во времена Наполеоновской борьбы, убѣдились въ справедливости этого отличія.

«Поздравляю, ты принятъ». Дохтуровъ тутъ же хлопоталъ о назначеніи меня въ Московскій Мушкетерскій Полкъ, котораго онъ былъ шефомъ, и ласково приказалъ мнѣ явиться къ нему на квартиру. Эта сцена, столь торжественная на страницахъ моей жизни, происходила 16-го Декабря 1803 года. Черезъ два дня я уже былъ обмундированъ, и, сколько помню, отъ радости не чувствовалъ подъ собой земли: такъ было на душѣ весело, что попалъ въ защитники отечества и надѣлъ военный мундиръ.

Уже въ мундирѣ, при тесакѣ, я отправился къ г. Заковтобскому на домъ, благодарить за его родительское попеченіе обо мнѣ; съ наморщеннымъ челомъ, блѣденъ, какъ бы испуганный, встрѣтилъ меня мой менторъ, и обошелся довольно холодно. Прощальныя слова его были: «Жаль, что промѣнялъ прочный гражданскій путь на шаткое капральство». Въ отвѣтъ, я пожелалъ ему быть первымъ совѣтникомъ. Юная дочь его, всегда меня провожавшая до подъѣзда, напослѣдки не была столько любезна, и смутно глазами проводила лишь до двери.

Инспекторскій адъютантъ Галіонка велѣлъ мнѣ явиться къ Капитану Клименку, въ 5-ю мушкетерскую роту, занимавшую квартиры въ двухъ большихъ селахъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Г. Клименко обошелся со мною привѣтливо и далъ мнѣ въ дядьки бойкаго ефрейтора Качалова. Цѣлый мѣсяцъ прослужилъ я за простаго рядоваго и Качаловъ усердно преподавалъ лекціи въ ружейныхъ пріемахъ и маршировкѣ. Изъ ротныхъ офицеровъ, одинъ прапорщикъ, фамиліи не помню, частенько ломался надо мною съ площадными эпитетами; фельдфебель Пятницкій тоже, не менѣе прапорщика, ванпился, протяжно называя меня и моихъ товарищей довольно двузначительно: «Дво-ря-не!...» Качаловъ, угадывая по движенію моихъ бровей, что мнѣ вовсе не нравятся выходки прапорщика и фельдфебеля, обыкновенно твердилъ, чтобъ я не скучалъ и старался быть примѣромъ необходимой субординаціи:—«Будете офицеромъ,—онъ говаривалъ,—и этотъ самый гордецъ-фельдфебель станетъ, какъ верста, на вытяжку передъ вами, лишь завидитъ хоть тѣнь вашу». Я любилъ Качалова какъ роднаго. Однажды Поручикъ Кандиба спросилъ моего новаго ментора: «Хорошо-ли Буговскій мечетъ ружьемъ?»—Какъ наилучшій мильдъ-ефрейторъ, ваше благородіе, отвѣтилъ Качаловъ.—«Стало быть, превосходитъ тебя?»—Не совсѣмъ, но скоро перегонитъ!

Стоянка по деревнямъ нравилась солдату; но хожденіе въ Кіевъ для содержанія карауловъ считалось большой пыткой. Баталіоны обыкновенно чередовались помѣсячно, и тридцати-дневное пребываніе въ городѣ дорого обходилось для здоровья нижнихъ чиновъ. Кромѣ чистки аммуниціи, занимавшей каждаго съ утра до вечера, главное, что затрудняло солдата—бѣленіе панталонъ, портупеи и перевязи, особенно

же уборка его головы. Еще съ полуночи подымаются и начинаютъ натирать тупей и косу свѣчнымъ саломъ, и набивать, взамѣнъ пудры, крупичатой мукою; каждаго одѣваютъ и осматриваютъ какъ жениха, и когда готовъ, новое, самое трудное положеніе, чтобъ соблюсти всю чистоту и не измять прически до десяти часовъ утра, пока не кончится разводъ. Солдатъ могъ вздремнуть не иначе, какъ сидя, вытянувъ ноги, и, прислонясь спиной къ стѣнѣ, держать взъерошенную голову горизонтально, чтобъ не обить пудры; малѣйшій изъянъ на головѣ или на бѣльѣ пятнышко и—возня вновь до бѣла дня: въ-частую, фельдфебель изобьетъ тростью неосторожнаго на пропалую. Въ лагерной жизни несравненно менѣе ухода за лавержетами, рѣже пудрились, и не настояло надобности изнурять людей утомительной прическою.

Очень забавенъ этого времени покрой офицерскаго мундира. При Павлѣ, воротники едва закрывали половину шеи. Прежде лифъ, по росту человѣка, былъ длинный; въ наше же время укороченъ болѣе чѣмъ на пядь, и фалды узкія искошены до-нельзя; шарфы подвязывали почти подъ грудь, и на шеѣ, вмѣсто скромнаго галстуха, *жабо*. Просто,- видъ офицеровъ—*пиковые валеты*! Волосы носили длинные; шляпы высокія на бекрень, съ чернымъ нѣтушьимъ султаномъ. Такъ это шло пока заключили тильзитскій миръ, послѣ котораго прежде всего отброшена унтеръ-офицерская трость, долго игравшая большую роль; потомъ введена постройка мундира по таліи, болѣе по формѣ Наполеоновской—съ эполетами. Стрижка офицерскихъ волосъ также измѣнилась; приказано стричь по солдатски, *подъ гребенку*, и вовсе запрещены жабо и бантики.

И удивительно, все что нынче было бы смѣшно и странно, тогда, напротивъ, имѣло для глазъ видъ чудесный, и казалось, что пригодиѣе ничто уже не могло быть придумано. Къ военному покрою подѣлывался и покрой гражданскій: благородный фракъ искажали до невѣроятности; лифъ поднятъ былъ до безобразія, и узенькія полы болтались въ родѣ рыбьяго хвоста. Даже дамы платили дань тогдашнему вкусу ратныхъ нарядовъ: покрой ихъ платья имѣлъ сходство во многомъ, особенно своимъ лифомъ, ужасть высокимъ. Я знаю еще нѣсколько почтенныхъ старушекъ, тогдашнихъ щеголихъ, блиставшихъ красотою, которыя, припоминая тѣ времена, не могутъ *не вздохнуть* и не сказать нѣсколько похвальныхъ словъ прежнему покрою офицерскаго мундира и прочаго воинскаго убранства. Военный туалетъ, нынѣ прилаженный такъ умно и близко къ натурѣ человѣка, самая ловкость молодыхъ воиновъ и скромность ихъ обращенія уже не трогаютъ бабушекъ, даже нѣкоторыхъ дѣдовъ, а только ихъ смущаютъ.

Апрѣля 26-го 1805 года меня произвели въ корнупей-прапорщики,

съ переводомъ во вторую гренадерскую роту (*). Въ томъ же году объявленъ походъ въ австрійскіе предѣлы, и къ намъ прибылъ изъ гвардіи новый полковой командиръ, Полковникъ Николай Семеновичъ Сулима; прежній нашъ полковой командиръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Монахтинъ, переведенъ въ Новгородскій Мушкетерскій Полкъ. Не смотря на его строгость, мы весьма о немъ жалѣли, да и онъ разстался съ нами неравнодушно: даже имѣлъ съ Сулимой дуэль, которую скрыли отъ высшаго начальства. Московскій Полкъ доведенъ былъ Монахтинымъ до желаемаго совершенства; люди выбирались къ намъ изъ рекрутскихъ партій по роду и виду лучшіе, словно въ гвардіи; офицеры почти подрядъ хорошихъ фамилій, благовоспитанные; шефъ благородныхъ правилъ, съ громкимъ именемъ; короче, инспекторскій полкъ его имѣлъ передъ другими полками замѣтное превосходство по всей арміи: даже ни въ чемъ не уступалъ гренадерскимъ полкамъ — Кіевскому и Малороссійскому. Было за что и драться (**). Бились на шпагахъ въ пустомъ военномъ госпиталѣ. Комендантъ Массе, хотя рѣдкій блюститель, дознался поздно, когда уже противники кончили дѣло. Монахтинъ разрубилъ Сулимѣ шляпу и лобъ, а сей изранилъ Монахтину два пальца на правой рукѣ. Не смотря на свѣжія раны, на другой день оба находились при разводѣ. Военный губернаторъ Васильчиковъ довольно сурово посматривалъ на обоихъ полковниковъ.

Наконецъ, съ объявленіемъ войны вовсе брошены, къ общей радости, *пудра* и *коротенькія косы*, отъ которыхъ на память остались только командныя слова: *равняйся въ косу!* Въ одно и то же время инспек-

(*) Въ то время въ каждомъ мушкетерскомъ полку первый баталіонъ состоялъ изъ гренадеръ.

(**) Монахтинскія ученья во многомъ отличались отъ другихъ полковъ: почти всѣ построенія дѣлались у насъ на бѣгу. Во время маневровъ, людей пріучали переносить походныя трудности, и нижніе чины, вслѣдствіе того, наполняли ранцы пескомъ, а манерки водою. Для ученій выбирались мѣста, изрытыя рвами, гдѣ попадались плетни и сугробы, даже нарочно сдѣланные барьеры. Нерѣдко за полночь, солдатъ поднимали по тревогѣ, безъ предупрежденія; проворно запасались сухарями на трое сутокъ, и только на сборномъ пунктѣ мы узнавали, наконецъ, что посреди насъ неутомимый Монахтинъ. Тутъ онъ начиналъ Суворовскія эволюціи; быстрота и натискъ наблюдались строго; за плутонгомъ перепрыгивали рвы и плетни, и, не разрываясь, дружно принимали въ штыки отстрѣливающихся противниковъ. Послѣдніе, скрытно отъ насъ приведенные издалека, занимали свою позицію уже съ вечера, на мѣстахъ, еще намъ незнакомыхъ. Эти распоряженія и принимаемыя предосторожности дѣлались точь-въ-точь какъ на войнѣ. Такъ Монахтинъ, во время нашей стоянки въ Кіевѣ, доводилъ до желаемой цѣли Московскій Полкъ, въ которомъ каждый солдатъ глядѣлъ атлетомъ.

ція переименованы въ дивизіи; Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ поступилъ съ своею дивизіей подъ начальство Михаила Ларіоновича Кутузова, котораго пятидесяти-тысячная армія, въ пособіе Австрійцамъ, собралась на Волыни. 17-го Августа (*), мы перешли русскую границу въ Радзивиловѣ, и имѣли первый ночлегъ въ мѣстечкѣ Броды, Австрійской Имперіи.

Войска Кутузова слѣдовали шестью колоннами. Видя себя на чужой землѣ, въ рядахъ русскихъ богатырей, шедшихъ сразиться съ врагами, я находился постоянно въ пріятномъ обаяніи. Уже съ самаго перехода за границу между нами родилось большое любопытство знать —съ кѣмъ воюемъ и куда идемъ... Одни болтали, что какая-то размолвка Царя въ Цесаремъ. Другіе, болѣе опытные, смѣялись, говоря: «Да развѣ у васъ не стало глазъ, ротозѣи, что не видите, какъ Цесарцы-то ухаживаютъ за нами! Стало быть, какая тутъ размолвка? Вишь, Французъ-то задираетъ Русь: какой-то тамъ *Бонапартія*, словно Суворовъ, такъ и долбитъ кого попало; да ужъ мы не дадимъ охулки на руку: примемъ и его, молодца, какъ бывало басурманъ, по-Екатерининскн!»

До Тешенъ мы шли обыкновенными маршами, но съ этого пункта, ровно черезъ мѣсяцъ, 13-го Сентября, начали двинули на перекладныхъ, утроенными переходами до 60 верстъ въ день. Порядокъ перемѣнныхъ фургоновъ распредѣленъ былъ съ примѣрною точностью: на каждый фургонъ садилось по 12 человѣкъ съ полнымъ вооруженіемъ, и съ такого же числа людей складывались туда ранцы и шинели. На десятиверстномъ разстояніи ожидала насъ перемѣна; идущіе усаживались на фургонъ, а ѣхавшіе шли пѣшкомъ, налегкѣ, въ однѣхъ сумахъ съ ружьями. Офицеры и портупей-прапорщики не чередовались въ пѣшей проходьѣ: подъ нихъ постоянно давали особые форшпаны. Конница отставала отъ пѣхоты нѣсколькими маршами; лошадямъ прибавили фуража; мундштуки съ пуками везли на подводахъ. Подъ артиллерію наряжались подставныя перемѣны, а лошадей вели въ поводахъ, и выдавали имъ фуражъ двойной дачею. Всѣ эти издержки дѣлались отъ Австріи. Привалокъ не было, и по прибытіи на ночлегъ, тотчасъ разставляли людей по квартирамъ: каждый домохозяинъ ожидалъ гостей у воротъ, и, лишь, пропуститъ мимо себя сколько назначено ему по расчисленію, захлопнетъ дверь на запоръ. Отлично приготовленная пища, винная порція, даже кофе и мягкая чистая постель, все было въ большомъ изобиліи къ услугамъ русскаго солдата. Дневки назначались рѣдко, всего четыре на всемъ пути нашей великолѣпной поѣздки, и больныхъ во всю дорогу ни одного. До

(*) Передовые полки арміи Кутузова начали выступать изъ русскихъ предѣловъ съ 13-го Августа.

самаго Браунау и рѣки Инн. насъ встрѣчали и стоянно съ развертыми объятіями и полнымъ усердіемъ. Погода благопріятствовала намъ во все время нашего шествія; прекрасные фрукты и особенно виноградъ, прохлаждали насъ при проѣздѣ почти каждаго мѣстечка или города. Баярдъ нашъ, Михайло Андреевичъ Милорадовичъ, закупалъ цѣлые рынки этихъ богатыхъ фруктовъ, и обыкновенно угощалъ ими проходившія войска; такая тороватость радовала русскаго солдата и удивляла Нѣмцевъ. Достигнувъ Браунау, армія расположилась довольно широко въ окрестныхъ деревняхъ и по берегу рѣки Инн.

По переходѣ черезъ Дунай, частенько доходили слухи до ушей русскаго солдата, что Французъ беретъ верхъ и Австріяки идутъ на попятную. Наши старики ворчали на Цесарцевъ, говоря: «Не радуетъ-то дѣло съ брудерами, коли уже и на первыхъ порахъ не устояли!»

Я имѣлъ тогда еще слабое понятіе о заграничныхъ мѣстахъ, и какъ былъ пораженъ рѣзкой разницей русскаго крестьянина отъ нѣмецкихъ поселянъ; ихъ видъ, одежда, постройки, повсемѣстная чистота, порядокъ, самая обработка земель, все показывало въ высшей степени образованность. Эта разность поражала и нашихъ солдатъ; я не разъ слышалъ ихъ похвальные отзывы Нѣмцамъ: «Ай, брудеры,—говорили они,—народъ смышленый!» Русскіе не могли довольно надивиться, что воловая упряжь у Нѣмцевъ, или лучше ярмо, утверждено не на шеѣ быка, а на его рогахъ. Когда сказали имъ, что у рогатой скотины вся сила во лбу, многіе возразили: «Хитеръ Нѣмецъ, вѣдь понялъ же». Умный обычай у Нѣмцевъ ковать быковъ также обращалъ на себя вниманіе нашихъ солдатъ; похваляя нѣмецкую замысловатость, одинъ изъ нихъ вскричалъ: «Все такъ, да что-то они плохо управляются съ Французомъ!» Русскіе солдаты полюбили нѣмецкій кофе, называя его кава; въ простонародьи оно обыкновенно съ примѣсью картофеля и цикоріи, подслащается же сахарной патокою; все это вмѣстѣ кладутъ въ большой желѣзный кувшинъ, наливаютъ водой и кипятятъ на огнѣ. Такимъ-то кофе подчивали нашихъ кавалеровъ вмѣсто завтрака, поставивъ по числу людей соотвѣтствующее количество кружекъ; но употребленіе кружекъ солдатамъ не понравилось; они потребовали суповую чашку: вливъ въ нее съ гущей весь этотъ взваръ и накрошивъ туда ситника, хлѣбали кофе ложками, какъ щи, многіе примѣшивали туда лукъ и подправляли солью; очень довольные этой похлебкой, они часто просили изумленныхъ Нѣмокъ, подбавить имъ еще этой жижицы. Кофе у Нѣмцевъ едва-ли не изъ первыхъ потребностей, и точно какъ у насъ *сбитень*, такъ у нихъ кофе—напитокъ народный, и продается уже готовый по лавочкамъ и на рынкахъ. Нѣмецкій солдатъ безъ кофе не можетъ обойтись и на бивакахъ: почти у каждаго изъ нихъ есть крошечный кофейникъ, и при первой возможности Нѣмецъ разогрѣ-

ваетъ его; наши солдаты, видя такую ихъ заботливость, часто издѣвались надъ ними, и называли ихъ обыкновенно «кофейниками», приговаривая: «Похлебалъ бы нашей тюри, то получшалъ бы на животъ». За то Нѣмцы употребляли чай какъ лекарство, и его надо было спрашивать въ аптекѣ, а по лавкамъ трудно отыскать. Пиво у нихъ также въ большомъ употребленіи, и мы вдоволь наглядѣлись, какъ Нѣмцы въ своихъ трактирахъ, просиживая по нѣскольку часовъ надъ гальбою пива, разсуждали о Наполеонѣ, разводя пальцами по столу пивныя капли, чтобъ яснѣе обозначить его богатырскія движенія.

Пока стояли мы въ Браунау, главнокомандующій приказалъ назначать къ нему съ каждаго полка на ординарцы офицера съ однимъ унтеромъ изъ дворянъ, преимущественно портупей-прапорщиковъ и юнкеровъ, и по одному рядовому на вѣсти. Дней за семь до выступленія, пришла и мнѣ очередь. Рано утромъ ввели насъ въ огромную авансъ-залу и построили въ двѣ шеренги, юнкеровъ въ первую, рядовыхъ во вторую; офицеры стали на правомъ флангѣ. Скоро зала наполнилась генералами и штабъ-офицерами. Сзади нашего фронта была маленькая дверь, въ родѣ потаенной, и оттуда, черезъ полчаса, вышелъ Кутузовъ въ тепломъ вигоневомъ сюртукѣ, зеленоватаго цвѣту. Скромно пробравшись вдоль стѣны къ правому флангу, сперва прошелъ онъ офицеровъ, разговаривая съ нѣкоторыми, а потомъ началъ смотрѣть нашъ фронтъ. Я стоялъ, по старшинству полка, первый; гренадерскіе полки находились въ авангардѣ и отъ нихъ не было ординарцевъ. Михайло Ларіоновичъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ мое имя и которой губерніи? На отвѣтъ мой, онъ вскричалъ: «Ба, Малороссіянинъ!», и, обратясь, къ Милорадовичу, примолвилъ: «Благословенный край, я провелъ тамъ съ корпусомъ мои лучшіе годы: люблю этотъ храбрый народъ!» Случившемуся тутъ же моему шефу, генералу Дохтурову, онъ приказалъ оставить меня при главной квартирѣ безсмѣннымъ. Послѣ я узналъ, что Кутузовъ часто посѣщалъ домъ моего дѣда, и нерѣдко проживалъ у него дня по три и болѣе. Переступивъ во вторую шеренгу и проходя по ней, онъ проговорилъ съ каждымъ вѣстовымъ нѣсколько словъ: всѣ изъ нихъ были уроженцы великороссійскихъ губерній, и онъ о каждомъ русскомъ племени отозвался въ различныхъ выраженіяхъ, съ искусной похвалою, отъ которой у каждаго выступала на лицѣ краска, изобличавшая желаніе оправдать ожиданіе главнокомандующаго. Потомъ, онъ обратился къ генераламъ, и болѣе часа громко разсуждалъ съ ними о движеніяхъ непріятеля. Когда онъ ушелъ съ нѣкоторыми изъ окружавшихъ во внутреннія покои, дежурный штабъ-офицеръ вывелъ насъ и указалъ наше мѣсто въ коридорѣ, примыкавшемъ къ кабинету главнокомандующаго. Обѣдъ намъ шелъ отъ его сто-

ла; я оставался при немъ до выхода изъ Браунау, и не разъ, дежурный генералъ, Иванъ Никитичъ Инзовъ, требовалъ меня къ нему.

Какими надеждами старый солдатъ преисполненъ былъ во все это время! Но съ 11-го Октября, какъ прибылъ къ намъ австрійскій генералъ Маккъ, опасное положеніе нашей арміи объяснилось. Въ ночь 16-го Октября потребовали всѣхъ ординарцевъ и вѣстовыхъ въ авансъ-залу главнокомандующаго. Едва мы стали по мѣстамъ, вышелъ Кутузовъ, замѣтно гнѣвный. Никогда не забуду той минуты, когда онъ, какъ бы съ досадою, обратясь къ намъ, приказалъ явиться въ свои полки; потомъ, вертя табакерку въ рукахъ, очень вразумительно сказалъ: «Цесарцы не съумѣли дождаться насъ, они разбиты; немногіе изъ храбрыхъ бѣгутъ къ намъ, а трусы положили оружіе къ погамъ непріятеля. Нашъ долгъ отстоять и защитить несчастные остатки ихъ разметанной арміи: скажите это и вашимъ товарищамъ.»

Такъ неудача генерала Макка подъ Ульмомъ разстроила общій планъ союзныхъ армій. Кутузовъ оставался однако большимъ препятствіемъ для Наполеона, и онъ двинулся впередъ усиленными маршами, чтобы нагрянуть врасплохъ и не допустить насъ соединиться съ австрійскими и русскими корпусами. Не смотря на извѣстный погромъ австрійскихъ войскъ подъ Ульмомъ, русскій вождь, къ удивленію нѣмецкихъ генераловъ, не оставлялъ Браунау сряду пять дней, пока вполнѣ не обрисовались движенія западнаго завоевателя, нетерпѣливо жаждавшаго скорѣе истребить передовую русскую армію.

Когда мы пришли въ свои полки, вовсе не съ отрадными вѣстями для товарищей, послѣдовалъ приказъ, чтобы войска собирались у главной квартиры; однако еще никто не зналъ, куда пойдемъ, впередъ или назадъ; всѣ думали, даже генералы, что идемъ противъ Французовъ. Не безъ сожалѣнія покидали мы свои гостепріимныя и покойныя квартиры; хозяева, особенно доброхотныя хозяйки, напутствовали насъ хлѣбомъ-солью и благословеніями. Подойдя къ Браунау, полки строились на показанныхъ мѣстахъ подъ городомъ, по направленію къ Ульму. Часа два простояли на мѣстѣ, все въ той мысли, что идемъ на Ульмъ; такъ толковали сами жители, вышедшіе изъ города провожать насъ. Вдругъ отданъ былъ второй приказъ, чтобы трогались съ мѣстъ по вѣстовой пушкѣ. Не прошло и часа, какъ, 17-го Октября, чѣмъ свѣтъ, раздался выстрѣлъ на площади передъ квартирой главнокомандующаго. Снявшись съ позиціи, мы вышли на шоссе, и тутъ-то, къ удивленію горожанъ и нашему, повернули насъ въ обратный походъ лѣвымъ флангомъ.—«Ба, ба!—заговорили въ рядахъ солдаты:—кажись, мы идемъ назадъ, ребята? —Кажись, что такъ!—Да и безъ проводниковъ!—Да кчему-жъ ихъ! дорога-то

знакома.—Ужъ не зашелъ-ли Французъ съ тылу! Вишь, эти брудеры такъ шайками и бредутъ на попятную!»

19-го Октября, поздно вечеромъ, вся армія пришла въ Ламбахъ, гдѣ простояла двое сутокъ. Въ три дня усиленнаго марша, мы сдѣлали болѣе ста верстъ, и оставили Французовъ, едва появившихся на рѣкѣ Инъ, далеко назади. Наши войска и на этихъ первыхъ переходахъ уже не находили заготовленнаго провіанта, кромѣ небольшаго количества соломы и дровъ. Косо смотрѣли на насъ жители и жительницы: у послѣднихъ уже не встрѣчали мы прежнихъ умильныхъ взглядовъ; прищуря глаза и сжавъ губенки, они провожали насъ какъ разлюбленныхъ. Такъ озадачило ихъ наше обратное шествіе. Наполеонъ, между тѣмъ, прибѣжавъ въ Браунау, удивился, что не нашелъ Русскихъ, и, бросясь за ними въ погоню, еще болѣе пораженъ былъ столь поспѣшнымъ отступленіемъ, которое совершено въ такомъ порядкѣ, что не оставили ему изъ рядовъ ни одной души, хоть, такъ сказать, *для языка.*

22-го Октября, Французы, наконецъ, догнали насъ и затронули аріергардъ; наши отразили геройски натискъ Мюрата и держались на позиціи болѣе шести часовъ, пока не приказано было отступать. Здѣсь-то впервые сошлись Французы съ Русскими, почти черезъ семь лѣтъ послѣ свиданія въ Корфу и въ Италіи; тогда Мюратъ и многіе изъ дѣйствующихъ въ эту кампанію французскихъ генераловъ находились съ Наполеономъ въ Египтѣ, и до Ламбаха еще не были знакомы съ русскимъ воиномъ; ихъ удивила стойкость нашихъ богатырей и строевой порядокъ въ пылу сѣчи. Присутствіе Багратіона и Милорадовича напоминало Французамъ побѣды Суворова при *Кассано*, на берегахъ *Тидоны* и *Требіи*, подъ *Нови* и на высотахъ стремнистыхъ Альповъ. Мѣткіе выстрѣлы русской артиллеріи изумили Мюрата, и онъ по нимъ, въ продолженіе всей кампаніи, узнавалъ Ермолова. Маріупольскіе и павлоградскіе гусары, Венгры Кинмейера и храбрые донцы, предводимые Графомъ Витгенштейномъ, произвели на Французовъ сильное впечатлѣніе: при каждомъ ихъ ударѣ непріятель обращалъ тылъ. Таково начало битвъ съ завоевателемъ Египта. Подъ Ламбахомъ, къ сожалѣнію всей арміи, Командиръ 8-го Егерскаго Полка, храбрый Полковникъ Графъ Головкинъ, раненъ въ шею двумя ружейными пулями на вылетъ; не желая остаться въ рукахъ непріятеля, онъ слѣдовалъ въ брикѣ за нашимъ полкомъ, и на третьемъ переходѣ кончилъ боевое поприще подъ любимыми звуками пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ.

Раздосадованный неудачнымъ началомъ, Мюратъ бросался на Багратіона какъ тигръ; русскій витязь не оставался въ долгу, платилъ Мюрату тою же монетою; гусары, казаки и конныя орудія шныряли на мѣстахъ побоища, какъ на маневрѣ, а гренадерскіе и егерскіе бата-

ліоны и Апшеронскій Полкъ, словно форты, стояли как вкопанные на опорныхъ пунктахъ. Тѣмъ временемъ, наша армія перешла рѣку Эпсъ, которая течетъ съ быстротою стрѣлы. Здѣсь Кутузовъ остановилъ Наполеона; но славный пріемъ, сдѣланный ему русскимъ полководцемъ, продолжался не долго; Австрійцы, поставленные у Штейера, не выдержали напора, и Французы овладѣли переправой. Русская армія отошла къ Амштеттену; почти весь день, 24-го Октября, Багратіонъ дрался съ ожесточеніемъ; потомъ отступили къ Мельку и Сэнктъ-Пельтену. Багратіонъ и Милорадовичъ поперемѣнно сталкивались съ Французами; ни одно дѣло не бходилось безъ того, чтобъ непріятель не отступалъ отъ нашихъ въ большомъ разстройствѣ. Французы подавались впередъ единственно потому, что въ планѣ нашего главнокомандующаго не настояло надобности удерживать за собой ту или другую позицію: но гдѣ нужно было убавить порывистый ходъ непріятеля, тамъ всегда брали верхъ Русскіе.

При сихъ движеніяхъ до Дуная, наши солдаты, ненавидя всякое отступленіе, говаривали: «Тьфу пропасть! Все назадъ, да назадъ, пора бы остановиться.—И вѣстимо пора, отзывались другіе: да нашъ-то дѣдушка выводитъ Бонапартію изъ ущелья; Французу лафа лѣски и пригорки, а вотъ сизаго голубя на просторъ.—Да вѣдь озорники-то, вскричалъ барабанный староста, не охочи на чистоту . . .—Да, да, куда не любятъ московскаго штыка!» весело кругомъ шумѣли голоса. Такой бесѣдой сдабривали нижніе чины наши горькія прогулки. У русскаго солдата своя стратегія, свой тактъ, и часто бываетъ очень вѣрный, потому что сопряженъ съ большой отвагой, противъ которой рѣдко устоитъ самый твердый практикъ военнаго искусства.

Выгодная позиція у Санктъ-Пельтена представляла возможность выждать на ней корпусъ Буксгевдена, шедшій изъ Моравіи; съ этою мыслію Кутузовъ построилъ войска въ боевой порядокъ и послалъ осмотрѣть предмостное укрѣпленіе у Кремса, которому, по приказанію Императора Франца, слѣдовало быть готовымъ еще ранѣе двумя днями. Посланный донесъ, что Австрійцы и не думали приниматься за дѣло, и что, къ довершенію непріятностей, маршалъ Мортье, на лѣвомъ берегу Дуная, за два перехода отъ Кремса. Пути на Вѣну уже были заняты Бернадоттомъ и Даву.... Постигая замыслы противника, Кутузовъ, не смотря на занимаемую нами крѣпкую позицію, снялся съ лагеря, подъ вечеръ 28-го, и пошелъ къ Кремсу, вопреки настоячіямъ австрійскихъ генераловъ держаться въ настоящей позиціи. Армія наша перебралась за Дунай подъ выстрѣлами непріятеля и истребила мостъ. Можно судить о совѣтахъ Австрійцевъ, когда и при самомъ успѣшномъ отступленіи мы чуть не увязли въ сѣтяхъ непріятеля: недаромъ сердце русскаго солдата не лежало къ Австрійцамъ съ самого выхода изъ Браунау!

Гнавшіеся за нами французскіе конные егеря уже были на роковой половинѣ моста, какъ вдругъ вся середина его съ ужаснымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ и многіе десятки непріятельскихъ труповъ съ ихъ лошадьми поднялись вверхъ вмѣстѣ съ осколками камней и подъемнымъ мостомъ, обратившимся въ мелкую щепу.

Быстрое перемѣщеніе Кутузова на лѣвый берегъ Дуная изумило Наполеона и разстроило его планы: цѣль его разъединить насъ и уничтожить не состоялась; самая надежда, что Мортье упредитъ нашу армію въ Кремсѣ, не оправдала его ожиданій; короче, всѣ старанія завоевателя перехитрить Кутузова не удались. Тогда-то онъ убѣдился, что вѣдаться съ русскими полководцами будетъ для него трудьѣе, чѣмъ съ австрійскими.

Весь день 29-го Октября люди чистили ружья и оправляли кремни; при раздачѣ добавочныхъ патроновъ, кто-то сказалъ: «Будетъ потѣха: Французы перебрались на нашъ берегъ и теперь недалеко». Солдаты радовались, говоря: «Пора, пора отколотить господъ мусье порядкомъ». Сорвавшійся у Нѣмцевъ съ бойни огромный быкъ, какъ будто въ предвѣстіе близкой грозы, налетѣлъ на нашъ станъ и началъ носиться во всѣ стороны; съ полчаса гонялись за нимъ солдаты, и, наконецъ, жердями изъ шалашей угомонили животное. Нѣмцы не смѣли требовать быка въ возвратъ, и жирную говядину его люди раздѣлили между собой, въ утѣшеніе за то, что онъ смялъ одного кашевара, переломалъ десятка два ружей и разорилъ многіе шалаши. Только-что возня съ быкомъ кончилась, показались монастырскія воспитанницы, сопровождаемыя монахами Бенедиктинскаго Ордена. Около ста дѣвицъ, рѣдкой красоты, были одѣты въ бѣлыя шерстяныя епанечки, въ голубыхъ тафтяныхъ шляпкахъ, съ откинутыми розовыми вуалями. Онѣ шли большой дорогою, пересѣкавшею наше шумное становище; но при ихъ прохожденіи все замолкло; глаза у насъ чуть не повыскакали отъ удивленія, при видѣ этихъ кроткихъ ангеловъ, бросавшихъ на насъ свои чистые, чарующіе взгляды, и, казалось, съ участіемъ. Трое дородныхъ Бенедиктинцевъ открывали шествіе; такое же число ихъ шли въ замкѣ, и десятка два подобныхъ же по бокамъ патрулями. Была-ли это прогулка, или вели дѣвицъ куда-либо по наряду, нельзя было дознать: да и не до того: мы такъ растерялись, глазѣя на этотъ восхитительный разсадникъ! . . . Путешествію воспитанницъ сама погода благопріятствовала.

Въ вечеру часть войскъ перевели въ городъ и расположили на трехъ обширныхъ площадяхъ, примыкавшихъ къ Дунаю. Берега рѣки были установлены батареями, и нѣкоторыя отъ времени до времени пускали ядра на противулежащую сторону. Мы простояли тамъ, вокругъ разложенныхъ огней, далеко за полночь. Напослѣдокъ, прибѣжалъ Дежурный Генералъ Шизовъ и потребовалъ Дохтурова къ главнокомандующему; возвра-

тись черезъ полчаса, Дмитрій Сергѣевичъ приказалъ намъ становиться въ ружье. Когда сложили съ себя ранцы по-шереножно, у одной длинной каменной ограды, насъ вывели изъ города, и мы тотчасъ очутились посреди горъ и пропастей. Ночь была темная и падалъ мелкій дождь. Куда вели насъ, никто не зналъ: «Ну, что тутъ догадываться, говорили; разумѣется идемъ не къ хозяйкѣ на печь, а для свиданья съ бусурманомъ; онъ, чай, и не думаетъ какъ нагрянемъ къ нему на фриштыкъ». Болѣе часа были мы въ пути и безпрестанно останавливались; вожатые наши, повидимому, не твердо знали мѣстность, и завели въ какую-то трущобу, изъ которой съ трудомъ вылѣзла одна пѣхота; конницу и артиллерію оставили и воротили назадъ; одну лишь верховую лошадь Дохтурова люди вытаскивали на рукахъ и переносили съ утеса на утесъ. Скоро разсвѣло и послышались пушечные выстрѣлы съ лѣвой стороны къ Кремсу: тогда всѣ догадались, что идемъ въ обходъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становились проходы; пропасти и глубокіе ручьи заставляли принимать далеко въ сторону, а время убѣгало: это ужасно сердило всѣхъ, отъ генерала до послѣдняго солдата. Нѣмецкихъ вожатыхъ проклинали, а между тѣмъ раздались ружейные выстрѣлы, и, казалось, не въ дальнемъ разстояніи: мы же все кружились, какъ въ западнѣ, и было уже за полдень.

Еще съ утра, 30-го Октября, Милорадовичъ, расположенный съ отрядомъ внѣ города, подлѣ католическаго монастыря, встрѣтилъ появившихся Французовъ залпами изъ орудій; потомъ завязалась между застрѣльщиками перестрѣлка, и загорѣлся достопамятный кремскій бой.

Мортье сильно напиралъ на отрядъ Милорадовича, въ той мысли, что русская армія отступаетъ; но вечеромъ онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что имѣетъ дѣло не съ слабымъ аріергардомъ, а съ самимъ Кутузовымъ. Уже въ сумерки Дохтуровъ спустился съ горъ и сразу занялъ Дирнштейнъ (*) въ тылу Французской дивизіи Газана, съ которою

(*) Дирнштейнъ—опрятный городокъ, въ одну улицу, и при входѣ въ него высится старинный замокъ, гдѣ нѣкогда (въ XII вѣкѣ) томился Англійскій Король Ричардъ *Львиное-Сердце*, герой Третьяго Крестоваго Похода. Возвращаясь изъ Палестины моремъ, корабль, на которомъ сидѣлъ Ричардъ, испыталъ крушеніе на берегахъ Италіи; имѣя повсюду враговъ, онъ боялся пройти Франціею и пустился черезъ Германію, переодѣвшись простымъ поклонникомъ. Изящная его тороватость открыла въ немъ монарха; онъ былъ узнанъ, и Леопольдъ, Герцогъ Австрійскій, по ненависти къ нему, засадилъ его въ замокъ Дирнштейнъ. Около пяти лѣтъ тянулось это скрытое заточеніе Ричарда, какъ трубадуръ Блондель, уроженецъ аррасскій, отыскивая короля по всѣмъ концамъ германскихъ владѣній, случайно попалъ на слѣдъ. Леопольдъ, испуганный этимъ открытіемъ, не осмѣлился держать у себя своего грознаго узника и передалъ его Нѣмецкому Императору Генриху VI. Императоръ, также имѣвшій противъ Ри-

Мортье отбивался отъ наступающаго Милорадовича. Кутузовъ ожидалъ появленія Дохтурова у Дирнштейна гораздо ранѣе; но, по милости австрійскихъ проводниковъ, мы съ трудомъ подошли туда въ пятомъ часу, какъ начало темнѣть. Едва выбились изъ вертеповъ и заняли съ бою Дирнштейнъ, какъ Дохтурову донесли, что дивизія Дюпона идетъ въ тылъ намъ со стороны Линца, и уже недалеко. Князю Урусову приказали задержать Дюпона; битва между тѣмъ разгоралась во тьмѣ съ невѣроятнымъ раздраженіемъ, на всемъ протяженіи между Дирнштейномъ и деревнею Лойбенъ, вторично занятою войсками Милорадовича. Противныя линіи, различаемыя по однимъ выстрѣламъ, двигались на довольно узкомъ пространствѣ: съ одной стороны бурный Дунай, съ другой—стремнистыя скалы не позволяли растягивать войска. Милорадовичъ тѣснилъ Мортье по направленію отъ Кремса; Дохтуровъ съ Московскимъ Полкомъ и егерями генерала Уланіуса, разбивъ въ Дирнштейнѣ два французскихъ баталіона, прошелъ этотъ городокъ, и, уничтоживъ внѣ стѣнъ непріятельскихъ драгуновъ, встрѣтилъ отступающаго маршала и принялъ его бѣглымъ огнемъ и штыками. Но тѣмъ временемъ, какъ Мортье, отстрѣливаясь отъ Милорадовича, силился пробиться сквозь наши ряды, позади насъ, въ Дирнштейнѣ, опять закипѣла жестокая сѣча: Князь Урусовъ, съ Вятскимъ Полкомъ и другими прикомандированными баталіонами, препирался съ дивизіею Дюпона, настигшею наши заднія войска при выходѣ изъ ущелій и стремившеюся на выручку къ маршалу; такъ продолжалось почти до полуночи. Дивизія Газана и отрядъ Дохтурова, очутившіеся между двухъ огней, бились на смерть: казалось, не было возможности уцѣлѣть, и отчаяніе удвояло взаимную храбрость. Тутъ палъ, пораженный пулею, австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Шмитъ, высокія способности котораго и преданность престолу подавали большія надежды. Подъ конецъ, однако, разстроенная дивизія Газана, дѣйствіями Полковъ Московскаго и Ярославскаго, надвинута была на войска Милорадовича; егеря же Уланіуса разсыпались по утесамъ надъ самимъ непріятелемъ. На этомъ пунктѣ было съ десятокъ большихъ деревянныхъ магазиновъ для складки товаровъ: наши зажгли ихъ, чтобъ вѣр-

---

чарда давнюю злобу, обрадовался этой находкѣ, и заковалъ его въ цѣпи, какъ бы взятаго въ плѣнъ на полѣ сраженія. Герой крестоваго похода, наполнившій свѣтъ своею славою, былъ заброшенъ въ мрачную тюрьму и оставался еще годъ добычею мести враговъ, которые были христіанскіе государи.

Замокъ Дирнштейнъ мы захватили врасплохъ, и два орудія, стоявшія на лицевой башнѣ, взяты были нами въ нѣсколько минутъ. Французы, не ожидавшіе съ этой стороны появленія Русскихъ, съ безпечностію бражничали по домамъ; пьяно, впопыхахъ, они едва успѣли выстрѣлить одинъ разъ картечью, и толпой бросились выбраться изъ тѣсной улицы.

нѣе различать непріятеля; старыя строенія разгорѣлись и освѣтили страшное зрѣлище. Французы отбивались толпами между Московскимъ Полкомъ и рядами Милорадовича; ярославцы, соединясь съ апшеронцами, громили ихъ на берегу Дуная, а застрѣльщики Уланіуса, нависшіе, такъ сказать, надъ этой сценой ужаса, стрѣляли въ любаго Француза сверху изъ-за камней. Побѣда Россіянъ была полная, и если ускользнулъ кто изъ дивизіи Газана до зажженія магазиновъ, то обязанъ тѣмъ почному мраку, еще болѣе усилившемуся отъ скопленія дождевыхъ тучъ. Мортье, въ потемкахъ, прорвался съ горстью храбрыхъ, и, соединясь съ Дюпономъ, отступилъ бѣгомъ къ Спицу, гдѣ тотчасъ переправился за Дунай.

Пощады въ этомъ дѣлѣ не было: все содѣлалось жертвой штыка; около двухъ тысячъ плѣнныхъ Французовъ, въ томъ числѣ одинъ генералъ, одолжены жизнію присутствію Дохтурова, который однимъ словомъ остановилъ ярость москвичей и прекратилъ истребленіе непріятеля.

Когда кончилось кровопролитіе, у нашихъ солдатъ начался торгъ: одинъ продавалъ часы, или дорогіе ножи, табакерки; другой—шелковыя вещи или бѣлье; многіе носили богатые пистолеты, палаши, и предлагали непріятельскихъ лошадей; послѣднихъ захвачено было едвали не всѣ три эскадрона, дѣйствовавшіе въ этомъ ущельи. Оцѣнка лошадямъ съ сѣдломъ и вьюкомъ была скорая—пять австрійскихъ гульденовъ или рубль серебра за каждую; за немногихъ только получали по червонцу. Нѣкоторые хвалились чересами съ золотомъ, отвязанными у плѣнныхъ и убитыхъ Французовъ. Взятые у непріятеля орудія, знамя, штандарты, вмѣстѣ съ плѣнными, которыхъ раздѣлили на шесть партій, отправлены были въ Кремсъ, и мы съ тріумфомъ возвратились въ городъ, сопровождаемые по дорогѣ криками восторженныхъ жителей: *Браво, Русь! браво!*

На главной улицѣ, у большихъ каменныхъ воротъ въ родѣ башни, стоялъ главнокомандующій и благодарилъ каждый проходящій полкъ, называя солдатъ *побѣдителями*. Передъ взводами нашего полка везли отбитыя у непріятеля орудія, и несли отнятые у него знамя и штандарты; послѣдніе положили на барабанѣ передъ Кутузовымъ, который привѣтствовалъ насъ словами: «Молодцы, молодцы! Слава и честь вамъ!» Потомъ, обратясь къ окружавшей его свитѣ, присовокупилъ: «Этотъ полкъ всегда дрался съ отличною храбростію: за то и носитъ славное имя нашей бѣлокаменной Москвы». Слыша привѣты любимаго вождя, солдаты воодушевлялись геройскими чувствами. Горожане, въ чаду восторга, думали, что Французамъ уже не придется роскошничать подъ ихъ кровлею, что мы останемся здѣсь надолго, и, въ пріят-

номъ забытый, шумно пировали нашу побѣду. Плѣнныхъ, въ тотъ же день (31-го Октября), отправили впередъ къ Брюнну.

Наполеону донесли о потеряхъ Мортье въ тотъ самый моментъ, какъ онъ, прислушиваясь къ гулу пушечныхъ выстрѣловъ, еще надѣялся, что маршалъ отдѣлается безъ урона; разгнѣванный дурными вѣстями, онъ спѣшитъ принять мѣры, чтобъ исправить ошибку. Но Кутузовъ скоро узнаетъ, что Вѣна занята Французами, что вѣнскій мостъ на Дунаѣ попалъ хитростію въ руки непріятеля, и что Мюратъ, Ланнъ, Сультъ, Вандамъ, Удино, Сюше заходятъ намъ въ тылъ... Въ ночь на 1-е Ноября, русская армія оставила Кремсъ и шла форсированнымъ маршемъ до утра; отдохнувъ немного въ Эберсбруннѣ, продолжала путь далѣе. На разсвѣтѣ 3-го Ноября, Князь Багратіонъ, шедшій отъ насъ вправо проселочными дорогами, уже стоялъ у Голлабруна. Скоро туда же пришелъ изъ Вѣны Мюратъ, и изумился, увидя передъ собою Русскихъ. Французы не ожидали такой поспѣшности и думали упредить насъ на цнаймской дорогѣ, единственномъ пути для прямаго соединенія съ корпусомъ Графа Буксгевдена. Эта неожиданность привела Мюрата въ замѣшательство: артиллерія его и вся пѣхота еще были на маршѣ; онъ не смѣлъ атаковать Багратіона, по соображенію, что Кутузовъ долженъ быть недалеко, и вступилъ въ переговоры, чтобъ хитростью задержать русскую армію, пока нахлынутъ къ намъ въ тылъ изъ Кремса Бернадоттъ и Мортье. Того же дня, вечеромъ, наша армія подошла къ Шенграбену. Мы простояли тамъ, не сходя съ мѣста, около двухъ часовъ; огней разводить не дозволяли. Наконецъ, показался передъ фронтомъ Кутузовъ, и, къ удивленію, скомандовалъ въ полголоса всѣмъ войскамъ *налѣво кругомъ*; съ поворотомъ мы стали лицемъ къ наступающему непріятелю, и Московскій Полкъ превратился въ авангардъ: замѣтимъ, что обратное движеніе арміи отъ Браунау совершилось лѣвымъ флангомъ, и нашъ полкъ находился въ замкѣ. Вскорѣ гусарскій офицеръ подвелъ четырехъ Нѣмцевъ; главнокомандующій приказалъ Дохтурову приставить къ нимъ караулъ изъ двадцати гренадеръ, при одномъ расторопномъ унтеръ-офицерѣ. Дохтуровъ вызвалъ меня, и я, взявъ у подпрапорщика алебарду, передалъ ему знамя: тогда самъ Михайло Ларіоновичъ изустно приказалъ мнѣ смотрѣть за Нѣмцами *пристально* и беречь ихъ *какъ зѣницу ока*, прибавивъ: *«это наши вожаки, понимаешь-ли!»* Тотчасъ двинулись въ путь: велѣно соблюдать возможную тишину. Версты двѣ шли обратно къ Кремсу; люди подумали, что ихъ ведутъ ударить на спящихъ Французовъ и радовались новой потѣхѣ: однако скоро послѣдовало разочарованіе; проводники сошли съ шоссе и круто взяли вправо. Стемнѣло какъ въ ямѣ, принесли потаенный фонарь. Всю ночь пробирались мы по узенькимъ тропинкамъ; часто спускались въ овраги,

проходили ручьи, перелѣски. Піонерамъ пришлось во многихъ мѣстахъ очищать дорогу и строить наскоро мостики для артиллеріи, которую, почти при каждой крутизнѣ, люди вытаскивали на рукахъ. Часа за три до разсвѣта, стали подниматься на высоту, гдѣ открылась обширная площадь; тутъ Нѣмцы указали намъ Голлабрунъ и Шенграбенъ, окруженные французскими бивачными огнями, на разстояніи отъ насъ около пятнадцати верстъ. Армію остановили, велѣли принять влѣво къ лѣсу, на противоположный покатъ горы, и тамъ позволили развести огни, которые немогли быть видимы непріятелю; отдыхали съ небольшимъ часъ, потомъ поднялись; тутъ Кутузовъ подъѣхалъ и благодарилъ Нѣмцевъ за услугу, примолвивъ: «Потрудитесь, друзья, довести до шоссе». Оставивъ для прикрытія небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Полковника Монахтина, войска пустились впередъ, но шли уже безъ затрудненія, ровными мѣстами. На разсвѣтѣ выбрались на дорогу къ Эцельсдорфу, почти въ тридцати верстахъ отъ непріятеля. Данъ былъ еще коротенькій роздыхъ, и мнѣ приказано представить Нѣмцевъ къ дежурному генералу: за исправность, Пизовъ благосклонно пожалъ у меня плечо, а австрійскій колонновожатый сунулъ мнѣ въ руку на мою команду 25 гульденовъ (*).

Съ этого дня въ арміи не слыхали болѣе аріергардныхъ выстрѣловъ; Кутузовъ принудилъ врага къ бездѣйствію. За то много безпокоились о Князѣ Багратіонѣ, отрѣзанномъ подъ Шенграбеномъ, и не было въ рядахъ ни одного солдата, который не молилъ бы Бога о его спасеніи.

У Цнайма наши войска прошли только предмѣстье; почти у каждаго дома разставлены были часовые. Я зашелъ къ булочнику, но все было раскуплено. Молодая хозяйка сжалилась надо мною, и, отведя въ другую комнату, наложила въ платокъ фунтовъ семь крупичатой муки и отдала мнѣ, не требуя платы. Я привязалъ муку къ ранцу, схватилъ за порогомъ алебарду и поспѣшилъ за полкомъ въ превеликой радости. Колонны шли по гладкому полю подлѣ шоссе; впереди, верстъ за пять, возвышалась гора и замѣтны были огни, разложенные по высотамъ передовыми полками—обыкновенный признакъ расположенія войскъ на ночлегъ. Трое сутокъ мы не только не спали, но не доводилось и отдохнуть порядочно; сонъ валилъ меня съ ногъ, голова отяжелѣла и въ глазахъ двоились предметы: разсчитывая, что до вечера еще далеко и что успѣю вздремнуть, я улегся въ шоссейный ровъ, гдѣ и заснулъ убитымъ сномъ. Солнце было на закатѣ, когда отрядъ казаковъ, исполняя свою обязанность, занялся подыманіемъ отсталыхъ; я проснулся съ трудомъ, и моя первая мысль была объ узлѣ съ мукою. Увы! кто-то отвязалъ драгоцѣнный узелъ: въ испугѣ, не вѣря сво-

(*) Тогда австрійскій *гульденъ* составлялъ на русскія ассигнаціи 60 копѣекъ.

имъ глазамъ, я даже перерылъ вещи въ ранцѣ, и, убѣдясь въ невозвратной потерѣ, съ тяжкою грустью поплелся въ лагерь, изъ конца въ конецъ пылавшій яркими огнями. Товарищи мои, не менѣе меня томимые голодомъ, узнавъ о моей бѣдѣ, также очень печалились.

6-го Ноября армія наша торжествовала сряду двѣ радости: первая— появленіе непобѣдимаго Багратіона, со славою отдѣлавшагося отъ Мюрата и двухъ французскихъ маршаловъ. Оставленный Кутузовымъ на жертву, для спасенія арміи, онъ умѣлъ не только выпутаться изъ вражескихъ сѣтей, но еще доставилъ плѣнныхъ и знамя, отбитое храбрыми гусарами. Какъ уже сказано выше, Мюратъ, думая остановить Кутузова переговорами, въ предположеніи, что ему повѣрятъ на-слово, и что наша армія вся у Шепграбена, провелъ болѣе сутокъ безъ выстрѣла; но, увидя, наконецъ, что окруженъ только небольшой отрядъ, главная же армія далеко впереди, онъ, съ досады, что не удалось обмануть русскаго вождя, такъ подшутившаго надъ нимъ, бросился съ яростію на Багратіона, вечеромъ 4-го Ноября. Безстрашный Багратіонъ воспользовался ночнымъ мракомъ и распорядился такъ, что Французы, обступившіе его большими массами, въ потьмахъ стрѣляли по своимъ. Нѣсколько разъ они предлагали русскому герою *сдаться*; но отвѣтомъ были картечь и ядра. Около полуночи прискакалъ изъ Вѣны Наполеонъ, и, замѣтивъ ошибку, остановилъ бой: Багратіонъ не пропустилъ счастливаго момента, и едва притихли непріятельскіе выстрѣлы, пошелъ по цнаймской дорогѣ на проломъ; штыкъ и сабля помогли ему скоро выбиться изъ французской блокады. Въ этой свалкѣ потерпѣли болѣе прочихъ войскъ Пѣхотные Полки Азовскій и Подольскій. Оплошность Мюрата разсердила Наполеона; браня его, онъ повторялъ: «Какъ входить въ переговоры съ старымъ хитрецомъ—съ лисою!» Сами Французы были рады, что развязались съ Багратіономъ. Ночное дѣло у Шепграбена еще болѣе убѣдило Наполеона, что заводить драку въ потемкахъ всегда опасно, и онъ сталъ избѣгать ночныхъ нападеній и преслѣдованій: съ закатомъ солнца Французы прекращали стрѣльбу, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ противникъ станетъ на нихъ напирать. Армія наша ликовала соединеніе съ нею Князя Багратіона благодарственнымъ молебномъ, какъ побѣду.

Вторая радость, пріятно потрясшая сердца воиновъ, былъ слухъ о прибытіи Государя нашего въ Ольмюцъ. Отраднымъ вѣстникомъ столь давно ожидаемаго нами событія былъ Флигель-Адъютантъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, присланный нарочно къ главнокомандующему. При видѣ этого дорогаго вѣстника, армія пришла въ неописанный восторгъ: одна мысль, что скоро увидимъ обожаемаго Государя, свалила съ плечъ всѣ понесенные труды и мы, не чувствуя

усталости, готовы были идти бѣгомъ на встрѣчу Царю и новопришедшимъ соратникамъ.

8-го Ноября, мы сошлись въ Вишау съ авангардомъ корпуса Графа Буксгевдена. Тутъ сдѣланъ былъ привалъ. *Новички*, такъ Кутузовцы честили родныхъ гостей, бросились къ намъ—и пошли объятія и цѣлованія, а распросовъ, распросовъ и не обобраться!.... Трудно рѣшить, кто болѣе кому обрадовался: мы-ли имъ, или они намъ; кажется, сердца наши бились одинаково, съ тою только разницей, что намъ стало вдвое веселѣе, имѣя въ подмогу столько бравыхъ товарищей. Черезъ два часа ударили подъемъ: звуки барабана раздались впервые по выходѣ изъ Кремса; мы тронулись, но, долго озираясь, не сводили глазъ съ своихъ пришельцевъ, пока отъ нихъ не скрылись.

Утромъ 10-го, въ прекрасный солнечный день, армія Кутузова стояла вольно у подошвы ольмюцкихъ высотъ. Около полудня раздалась команда *смирно!* и вслѣдъ затѣмъ прискакали адъютанты, говоря: «Приготовьтесь: Государь Императоръ встрѣчаетъ васъ въ полгоры у дороги». Радость была невыразимая: каждый потиралъ лобъ и охорашивался. Скоро вывели армію на шоссе и началось шествіе: я шелъ со знаменемъ, еще никогда не видавъ Государя. Едва стали подыматься на гору, скомандовали *глаза налѣво*. На половинѣ горы, Государь верхомъ стоялъ одинъ, далеко впереди отъ свиты. Перо отказывается описать наши чувства при видѣ Царя!... Его присутствіе, его взгляды оживляли воиновъ новою бодростью. Музыки не было, и Государь, смотря на насъ съ улыбкой, билъ тактъ ногою подъ нашъ скорый шагъ; при проходѣ каждаго полка онъ здоровался. Нѣсколько далѣе, по другую сторону дороги, стояли подъ ружьемъ гвардія и корпусъ Буксгевдена въ отличномъ видѣ. Въ сравненіи съ нашими, они были какъ женихи; ослѣпительная чистота свѣтлѣла на нихъ, какъ играющіе лучи солнца на пажитяхъ; въ гвардіи особенно подобраны были люди все красавцы, одинъ лучше другаго; мы, напротивъ, походили на кузнецовъ. Когда армія взобралась на высоту и стала на позицію, Императоръ, объѣзжая фронтъ, спросилъ солдатъ: «Давно-ли была на васъ вода?...» Люди въ отвѣтъ кричали: «Ради стараться, Ваше Величество!» Корпусъ Буксгевдена построился позади насъ во второй линіи, Гвардія въ третьей. Багратіонъ и Милорадовичъ съ авангардомъ расположились по дорогѣ къ Вишау у Просница. Австрійскія войска заняли позицію съ лѣвой стороны шоссе, по направленію къ Брюнну.

До Ольмюца отъ боевыхъ линій считали съ небольшимъ двѣ версты. Императоръ Александръ часто навѣщалъ насъ, не только днемъ, но даже по ночамъ, въ сопровожденіи одного казака. Кромѣ ночнаго времени, Императоръ Францъ всегда сопутствовалъ нашему Государю. Великій Князь Константинъ Павловичъ почти не оставлялъ биваковъ

ни днемъ, ни ночью; если же отлучался, то на самое короткое время. Какъ часто онъ сиживалъ у нашихъ огней, разговаривалъ съ нами, шутилъ, и если готова была наша похлебка, отвѣдывалъ, прихваливая, «что вкуснѣе французскаго бульона, понравилась бы и нашимъ московскимъ дамамъ!»

Михайло Ларіоновичъ Кутузовъ назначенъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ, и новопришедшихъ войскъ русскихъ и австрійскихъ.

Армія простояла въ ольмюцкомъ лагерѣ дней шесть. Наполеонъ находился въ Брюннѣ, авангардъ его въ Вишау. Говорили тогда, что отъ него присланъ былъ къ нашему Государю парочный съ письмомъ (генералъ Савари), въ которомъ поздравлялъ его съ пріѣздомъ. Кромѣ этой рыцарской вѣжливости, во все время нашего роздыха подъ Ольмюцемъ, Наполеонъ насъ не задѣвалъ; точно, какъ будто его тамъ не было.

Позиція, занимаемая нами на высотахъ ольмюцкихъ, была превосходная; намъ можно было продолжать стоянку, выжидая корпусъ Эссена, армію Беннингсена и Австрійцевъ, предводимыхъ Эрцгерцогами Карломъ и Іоанномъ, еслибъ очень важное обстоятельство не помѣшало этому намѣренію, а именно *недостатокъ въ продовольствіи*. Отъ самаго Браунау, мы никогда до-сыта не наѣдались, а соединясь съ Имперцами, близки были къ совершенному голоду. Нѣмцы, разсерженные нашимъ возвратнымъ шествіемъ, отказывали въ доставленіи съѣстныхъ припасовъ, и наши, за одно съ австрійскими солдатами, часто силою добывали себѣ прокормленіе въ придорожныхъ деревняхъ. Жители, изъ страха, хлопотали болѣе о сбереженіи своихъ запасовъ для Французовъ, и прятали отъ насъ и отъ своихъ все что могли; достать что-либо съѣстное нельзя было ни за какія деньги, въ которыхъ однако не нуждались: Императоръ Францъ нерѣдко даривалъ нашимъ войскамъ по два и по три *гульдена* на человѣка. Въ ольмюцкомъ лагерѣ, случалось, кричатъ изъ средины *за хлѣбомъ*, и тутъ поротно наряжаютъ людей: намъ, въ ожиданіи, какъ будто здоровье на душѣ; но проходилъ цѣлый день, и посланные возвращались къ вечеру съ пустыми руками. Иногда пригнатъ, бывало, на весь баталіонъ полбочки муки, и съ какою радостію мы получали въ полу шинели отпускаемую дачу: подбѣжавъ къ огню, въ той же полѣ растворяли ее водою, мѣсили и пекли въ золѣ, безъ соли, лепешки, которыя ѣли съ неизъяснимымъ наслажденіемъ. Изрѣдка отпускались печеные хлѣбы; на роту доставалось десятка по два, по три; фельдфебель и каптенармусъ, стараясь выгадать для себя получше кусокъ, чертили мѣломъ эти продолговатые *небольшіе* хлѣбы по числу людей съ особымъ искусствомъ, и, поставивъ въ ранжиръ роту, начинали выдачу перекличкой, отдѣляя каждому ломтикъ по черте: каждый, принявъ его,

цѣловалъ, перекрестясь, и пряталъ за пазуху въ шинель: въ такой рѣдкости былъ насущный хлѣбъ! Говядина отпускалась въ полки живьемъ; за неимѣніемъ въ-частую и картофеля, нѣсколько кусковъ мяса сожигали въ уголь и заѣдали имъ вареное мясо; винную порцію въ ольмюцкомъ лагерѣ ежедневно раздавали по манерочной крышкѣ на человѣка: я всегда мѣнялъ свою порцію на то, чтобъ во время сна, подлѣ пылающаго костра, меня оберегалъ отъ огня тотъ, кто ее выпьетъ, и охотниковъ было довольно, и, какъ водится, очередовались. Повелительный голосъ *за соломой и дровами*! многихъ очень веселилъ, и я, при первомъ зовѣ, бывало, первый на погахъ являлся съ командой не въ очередь, не смотря на опасность. Два разныя чувства побуждали меня къ тому: не допускать людей до разорительнаго грабежа, и удовлетворить ненасытимую страсть къ воинскимъ приключеніямъ. Команды эти, при одномъ офицерѣ отъ каждаго полка, обыкновенно разсѣвались по хуторамъ и окрестнымъ деревнямъ, гдѣ часто сталкивались съ французскими фуражирами, что наиболѣе и подстрекало молодыхъ людей пускаться на подобныя похожденія. Кутузовъ, именно поэтому, уже съ Цнаймы, отдалъ приказъ отлучаться командамъ съ ружьями и примкнутыми штыками, тѣмъ болѣе, что и самые жители нерѣдко встрѣчали насъ желѣзными вилами и рогатинами, отъ чего и бывали убійства: недаромъ говорятъ, что *голодъ и замки рветъ*.

Одно только большое село, въ полторы версты отъ праваго фланга нашихъ линій, было внѣ опасности, потому что запрещали его штурмовать; но дня за два до выступленія, когда уже всѣ окольныя мѣста были опустошены, запрещеніе, повидимому, было снято, и наши фуражирныя команды быстро разлились по улицамъ. Невдалекѣ отъ меня я услышалъ женскіе вопли: гренадеры моей команды разрывали мѣсто, надъ которымъ видно ненапрасно трудились; старыя и молодыя Нѣмки цаловали мнѣ руки и умоляли со слезами остановить дальнѣйшее разрытіе; я потребовалъ отъ нихъ дать солдатамъ пищу, и онѣ принесли нѣсколько хлѣбовъ, мѣшокъ муки, картофель, яблоковъ и 15 кусковъ шпеку: одинъ молодой парень притащилъ жбанъ краснаго туземнаго вина, ведра въ три. Поблагодаря, я уже хотѣлъ уйти съ солдатами; но старуха, видя кротость людей, за нѣсколько минутъ до того неукротимыхъ, просила остаться пока копчится набѣгъ и защитить ее отъ другихъ, рыскавшихъ по домамъ съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ; я согласился, и команда моя расположилась довольная у входа въ жилище. Нѣмцы живутъ вообще большими домами, въ нѣсколько покоевъ; многіе изъ нихъ, особенно по хуторамъ, въ два этажа, обнесены высокими бревенчатыми стѣнами; надворныя постройки въ порядкѣ и всюдѣ строгая опрятность. Хозяйка ввела меня въ комнату; и молодыя женщины и дѣвушки обступили гостя съ любо-

пытствомъ. Старуха внимательно разсматривала мою одежду, распахнула шинель на груди, потомъ растегнула нѣсколько мундиръ, и удивилась, что подъ мундиромъ, кромѣ рубахи, ничего нѣтъ теплаго: тутъ подала ей, одна изъ моравскихъ красавицъ, совсѣмъ новую душегрѣйку, и старуха предложила мнѣ надѣть. Съ большою благодарностью принялъ я этотъ дорогой подарокъ человѣколюбивой почтенной женщины, и тотчасъ его надѣлъ. Въ признательность за спасительную душегрѣйку, я выпросилъ у нашего полковаго командира, П. С. Сулимы, охранный караулъ изъ трехъ гренадеровъ, для огражденія старухи отъ безпрестанно возобновлявшихся поисковъ: такъ, во все время стоянки подъ Ольмюцемъ, добрая хозяйка была подъ защитой. Передъ выступленіемъ, я забѣжалъ проститься съ нею; она благословила меня на дорогу прекраснымъ хлѣбомъ. Этотъ хлѣбъ я доставилъ Подполковнику П. П. Шамшеву, моему баталіонному командиру.

Не смотря на постоянную во всемъ скудость, и въ особенности чувствительный недостатокъ въ хлѣбѣ, наше отступленіе отъ береговъ рѣки Инъ часто оживлялось забавными сценами. Такъ, напримѣръ:

Миновавъ Шпрембергъ, когда позади насъ ревѣла канонада и трещалъ ружейный огонь, австрійскіе артиллеристы, наловивъ у одной мызы съ десятокъ крупныхъ свиней, и вдобавокъ нѣкоторыхъ съ поросятами, привязали матокъ къ орудіямъ, которыя тянулись по высокому шоссе; свиньи упрямились, упираясь и озираясь на своихъ дѣтенышей, пронзительно визжали. Это возбудило всеобщій хохотъ въ войскахъ, шедшихъ по сторонамъ дороги густыми колоннами. Вдругъ наскакалъ Дежурный Генералъ Низовъ и сталъ строго выговаривать; артиллеристы, соскочивъ съ сѣдалищъ, устроенныхъ по бокамъ лафета въ родѣ лишекъ, принялись душить неугомонныхъ свиней; по дюжія животныя, сорвавшись съ привязи и разбѣжавшись съ поросятами по сторонамъ, произвели колебаніе въ ближайшихъ колоннахъ. Скоро однако, среди уморительнаго шуму, все это свиное племя исчезло: слышались только изъ среды русскихъ колоннъ выразительныя благодарности Нѣмцамъ за ужинъ.

Подъ Амштеттеномъ, гдѣ Французы, не давъ намъ и кашу сварить, завязали жаркую перестрѣлку, наши фуражирныя команды еще не возвращались изъ поисковъ. Кутузовъ посылалъ торопить людей сперва офицеровъ, а потомъ Князя Урусова, шефа Вятскаго Полка. Пока собирали команды между домами и по огородамъ, въ одномъ промежуткѣ, гдѣ случился и Урусовъ, человѣкъ двадцать солдатъ разнаго оружія, и въ числѣ ихъ полковой причетникъ, гнались съ пронзительнымъ крикомъ за огромнымъ сытымъ кабаномъ: скоро одолѣли животное, и тамъ же на мѣстѣ принялись тесаками дѣлить его на паи;

къ этой алчной продѣлкѣ подъѣхалъ князь, и, увидѣвъ причетника, который, держа заднюю ногу животнаго, и ничего не замѣчая, твердилъ: «*это жить*», съ улыбкою сказалъ ему: «Какъ! и ты здѣсь?» Причетникъ, не выпуская изъ рукъ кабаньей ноги, отвѣчалъ очень скромно: «Человѣкъ бо есмь, Ваше Сіятельство, голодъ не тетка!» Когда случалось напасть на яму съ картофелемъ или съ капустой, радость наша была выше словъ, и тутъ-то у насъ начинался гомеровскій пиръ... Вообще всѣ лишенія переносились съ духомъ веселымъ, даже съ нѣкоторою гордостью: всегдашнее присутствіе любимыхъ начальниковъ и нашего славнаго вождя заставляло забывать голодъ.

Лазутчики Наполеона давали знать жителямъ впередъ, когда вступать къ нимъ Французы, назначали даже въ какую пору, утромъ или вечеромъ, и мы ровно три недѣли находились въ безпрестанномъ движеніи. Ночлеги наши были слишкомъ короткіе, всегда въ открытомъ полѣ, и рѣдко проходили безъ тревогъ; случалось даже цѣлыя ночи проводить подъ ружьемъ, безъ огня, или на маршѣ. Ни одинъ изъ насъ до Ольмюца не растегивалъ ни шинѣли, ни мундира, и вмѣсто сапогъ, почти у каждаго были *поршни*, даже у многихъ офицеровъ; шинели наши почти у всѣхъ были обожжены бивачными огнями, а у нѣкоторыхъ изстрѣляны пулями; лица грязныя, испачканныя порохомъ, небритыя, и при всѣхъ трудахъ и недостаткахъ, каждый солдатъ держался бодро, съ видомъ страшнымъ, привыкшимъ къ бою, какъ нѣкогда, на родинѣ, къ знакомому плугу. Въ строѣ были люди, прослужившіе слишкомъ 20 лѣтъ, опытности дивной, спокойные въ огнѣ какъ на охотѣ. Никакія бѣдствія не потрясали ихъ: все они переносили съ твердостію. Случались дни, что армія не имѣла и времени сдѣлать привалъ. Наполеонъ такъ усердно преслѣдовалъ наши войска, что нѣкоторые его отряды, стараясь опередить насъ стороною, спѣшили на перемѣнныхъ форшпанахъ, а французская кавалерія забирала у жителей лошадей, на которыхъ нерѣдко являлась въ бой. Наша конница всегда брала верхъ надъ французскою, не смотря на то, что у любой лошади во всю ширь сѣдла было садно: просушивать имъ спины недоставало времени. Французы же имѣли передъ нами то преимущество, что въ преслѣдованіи могли свободнѣе замѣнять свои передовые отряды вновь подошедшими, и могли скорѣе оправиться отъ потерь; ихъ не затрудняли ни отвозъ раненыхъ, ни доставка провіанта и фуража; свѣжая пища для нихъ и кормъ для лошадей были всегда готовы съ избыткомъ; короче—все имъ было съ руки; пугливые жители помогали имъ во всемъ и жертвовали послѣднимъ, чтобъ ихъ не озлобить. Нашимъ случалось частенько заглядывать въ ранцы плѣнныхъ Французовъ, гдѣ непремѣнно находили почти у каждаго, кромѣ хлѣба, или зажареную птицу, или лакомый кусокъ шпеку, а у нѣко-

торыхъ бутылку вина или ратафіи. Можно вообразить себѣ голоднаго Русскаго, когда нападалъ на пресыщеннаго съ запасомъ Француза: тутъ уже не было *пардона*, и всегда вѣрная смерть послѣднему.... Казаки въ набѣгахъ добывали много поживы у непріятеля; они налетали внезапно на французскихъ фуражировъ, и нерѣдко забирали ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ добычею. Для пѣхоты, вообще, труднѣе было доставать прокормленіе, и мы часто постничали по цѣлымъ днямъ (*). Знаменитый вождь нашъ умѣлъ, однако, мастерски смягчать это жестокое положеніе: при всякомъ движеніи войскъ, онъ непремѣнно станетъ на самомъ видномъ мѣстѣ и непремѣнно встрѣтитъ каждый полкъ нѣсколькими ободрительными словами. Чтобъ болѣе ознакомить солдатъ съ собою и утѣшить ихъ голодъ, онъ тутъ же, на походѣ, входилъ съ ними въ короткую бесѣду и вливалъ въ русскихъ воиновъ непобѣдимую твердость духа.

Для многихъ изъ насъ, и въ особенности для Нѣмцевъ, страннымъ казалось, что обозы наши, и казенные, и офицерскіе, на всемъ отступленіи до Ольмюца, какъ будто и не существовали при арміи. По распоряженію главнокомандующаго, вся эта хозяйственная часть находилась всегда впереди, на разстояніи двухъ, а иногда и трехъ переходовъ, и войска на маршѣ не встрѣчали и самомалѣйшихъ препятствій: всѣ движенія совершались безъ замѣшательства, въ удивительномъ порядкѣ.

Послѣ жестокой сѣчи при Мелькѣ, гдѣ, къ общему всѣхъ сожалѣнію, мы лишились двухъ храбрыхъ Полковниковъ: Маріупольскаго

(*) Офицеры особенно много терпѣли нуждъ. Тогда не было въ обыкновеніи отпускать для нихъ порціо натурою; имъ выдавались раціонныя деньги, которыя всего чаще были въ карманѣ ненужною мебелью, кромѣ развѣ для игры въ карты; ничего съѣстнаго нигдѣ нельзя было купить, запасовъ же имѣть невозможно; брать телегу для клади запрещалось; дозволяли, и то невсегда, вьючную лошадь—одну на всѣхъ ротныхъ офицеровъ. Благодѣтельная перемѣна—отпускать для офицеровъ порцію *натурою*—послѣдовала въ царствованіе блаженной памяти Императора Николая, въ войну съ Турками 1828 и 1829 годовъ. Эта мѣра принесла великую пользу и тѣмъ уже, что на бивакахъ между офицерами почти уничтожилась картежная игра, что было очень замѣтно при обложеніи Варны, въ эту эпоху, славную для россійскаго оружія. Прежде, отъ избытка раціонныхъ денегъ, частенько, на досугѣ, голодные офицеры рѣзались въ *фаро*, и многіе проигрывались въ-пухъ, такъ что гдѣ и можнобъ было отогрѣть и поправить желудокъ, такъ уже не на что было: въ карманѣ не оставалось и гроша... Въ прусскую войну 1806 и 1807 и шведскую 1809 и 1810-го годовъ, я не разъ былъ свидѣтелемъ горестныхъ сценъ рѣшительнаго проигрыша, довольно забавнаго, впрочемъ для лицъ постороннихъ. Но въ Бутузовскую кампанію 1805 года не было времени ни гулять, ни играть въ карты...

Гусарскаго, Ребиндера и Кіевскаго Гренадерскаго, Щербинина, русская армія подошла къ Санктъ-Пельтену, и впотьмахъ, вблизи города, стала на позицію. Большая часть городовъ Верхней Австріи построена изъ камня, и вообще живописной наружности; у каждаго дома ворота съ калиткой, окованы желѣзомъ и всегда на запорѣ; улицы вымощены и во многихъ съ тротуарами. Квартира одного только главнокомандующаго была въ городѣ; всѣ прочіе генералы находились при своихъ мѣстахъ. По городамъ запрещалось производить обычные поиски, да и было невозможно: всѣ домы настоящія крѣпости. Едва люди воротились съ дровами и соломой, едва развели огни, какъ меня потребовалъ Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ. Онъ далъ мнѣ горсть червонцевъ и приказалъ купить для него въ городѣ бѣлаго хлѣба, вина и что только можно изъ съѣстнаго; для переноски велѣлъ взять съ собою нѣсколько гренадеровъ, примолвивъ: «Постарайся достать хоть что-нибудь: совсѣмъ отощалъ». Я доложилъ генералу, что въ ночное время, можетъ статься, ничего не найду, и что въ такомъ случаѣ обращусь на кухню главнокомандующаго. «Хорошо, только спаси отъ голода», отвѣчалъ онъ. Взявъ съ собою шестерыхъ гренадеровъ, я исходилъ всѣ закоулки небольшаго города, однако безуспѣшно; ворота вездѣ были на запорѣ, ставни въ нижнихъ этажахъ закрыты; въ верхнихъ во многихъ домахъ свѣтилось. Одинъ изъ нихъ, довольно огромный, освѣщенъ былъ ярче прочихъ: я рѣшился атаковать его; велѣлъ людямъ подойти къ воротамъ какъ можно тише, и объявилъ имъ, что когда успѣю заставить дворника отодвинуть засовъ, то въ ту секунду они должны навалиться сильно на дверь, чтобъ, увидя насъ, онъ не прихлопнулъ опять на запоръ. Осторожно, негромко я постучалъ въ дверь и раздался голосъ—*кто тамъ?* Примѣнялся къ ихъ нарѣчію, я отвѣчалъ тонкимъ, дрожащимъ полуголосомъ—*отворите.* Нѣсколько разъ повторялся вопросъ, но отвѣтъ мой былъ все тотъ же. Къ счастію, я услышалъ движеніе засова; конечно, онъ счелъ меня за женщину. Гренадеры, затаивъ духъ, тихо приставили къ калиткѣ свои геркулесовскіе кулаки, и едва щелкнулъ дверной замокъ, какъ калитка и привратникъ съ шумомъ полетѣли въ сторону. Ужасъ объялъ Нѣмца при видѣ солдатъ. Я приказалъ запереть калитку, и, оставивъ при ней двухъ гренадеровъ, съ остальными четырьмя пошелъ по широкой освѣщенной лѣстницѣ прямо вверхъ. Появленіе наше въ пространной залѣ произвело въ домѣ сильное волненіе. Хозяинъ, среднихъ лѣтъ, богатый негоціантъ, встрѣтилъ меня съ испуганнымъ лицомъ; но мои объясненія и горсть червонцевъ, положенная мною на столъ, совершенно его успокоили; онъ отказался отъ денегъ и угостилъ насъ радушно, не забывъ нагрузить моихъ спутниковъ всякаго сорта богатымъ запасомъ. Меня усадили особо, и,

въ продолженіе этого неожиданнаго ужина, выбѣжали изъ другихъ комнатъ множество пригожихъ дамъ и дѣвицъ: пристально разсматривали онѣ русскихъ воиновъ, и, переглядываясь между собой, любовались мол дечествомъ сыновъ прибрежій Волги и Днѣпра. Разставшись съ дамами, хозяинъ повелъ меня по коридору въ просторныя сѣни, изъ конца въ конецъ увѣшанныя тушами телятъ, барановъ, свиней и всякой живности: «выбирайте любое, сказалъ онъ; я взялъ теленка, двухъ барановъ и двѣ индѣйки, но онъ прибавилъ еще двѣ свиныя туши, говоря: «Это для солдатъ, а у васъ же есть кому и дотащить»; потомъ, спявъ съ высшей жерди двухъ фазановъ, и подавая мнѣ, примолвилъ: «*Для его превосходительства*». Замѣтивъ мое удивленіе, при видѣ такого большаго заготовленія, хозяинъ, потряхивая головою, сказалъ: «Неволя заставляетъ насъ, отказывая своимъ, дѣлать эти жертвы для врага (*). Уже съ вечера получено черезъ Наполеоновскихъ лазутчиковъ строгое отъ него повелѣніе, чтобъ здѣсь приготовились принять Французовъ къ утру наступающаго дня (28-го Октября); и мы дивимся, продолжалъ онъ, что вашъ главнокомандующій такъ покоенъ здѣсь: насъ пугаютъ слухи, что онъ намѣренъ тутъ сразиться».—Все можетъ быть, отвѣчалъ я; но Французовъ, при Мелькѣ, наши шибко поколотили, и, конечно, это задержало ихъ, они еще далеко отсюда. Добрый Нѣмецъ видимо былъ доволенъ, и, какъ кажется, еще болѣе обрадованъ тѣмъ, что имѣлъ дѣло съ Русскими, а не съ своими, которые, не смотря на его безкорыстіе и вѣжливый пріемъ, вѣроятно забрали бы у него весь этотъ лакомый запасъ. Онъ провелъ меня до калитки; съ чувствомъ пожали мы другъ другу руку, и едва я переступилъ за порогъ, какъ, живо прихлопнувъ калитку, задвинули ее чуть-ли не двумя засовами, чтобъ, наконецъ, избавиться новыхъ посѣщеній. Опрометью, сколько позволяла мнѣ моя ноша, пустился я въ обратный путь обрадовать моего начальника, котораго мы любили какъ отца.

Наши командиры, безъ исключенія, не смотря на возможность ни въ чемъ себѣ не отказывать, подавали первые примѣръ терпѣнія, и не позволяли себѣ ни малѣйшей нѣги, или чего-либо похожаго на довольство и роскошь: за одно съ рядовыми грызли сухарь, или, и по нашему, голодали, отдыхая на той же соломенной постилкѣ, среди поля, подъ открытымъ небомъ, во всякую непогоду и слякоть. При этомъ какъ могли и мы роптать на скудость?

(*) Русскіе, въ 1812 году, такъ не угащивали у себя Французовъ: вмѣсто привѣтливыхъ словъ и заготовленія всякой снѣди, они, чтобъ торжественнѣе ихъ встрѣтить, оттачивали ножи и вострили сѣкиры, и безтрепетно, съ желѣзомъ и пламенникомъ въ рукахъ, ожидали прихода незваныхъ.

Не доходя Мелька, при одномъ аріергардномъ дѣлѣ, версты за четыре отъ арміи, непріятель пробрался къ намъ на маршѣ во флангъ. Кутузовъ, по первому извѣстію, лишь только миновали небольшой городъ, остановилъ войска, чтобъ выждать аріергардъ и дать отпоръ идущему на насъ со стороны непріятельскому отряду. Пока дожидались развязки, главнокомандующему кто-то донесъ, что въ костелѣ, противъ котораго мы остановились, заготовлена отъ жителей большая пропорція печенаго хлѣба для Французовъ. Время не позволяло отыскивать и ожидать надзирателя, войска же наши дня три даже не нюхали хлѣба. Михайло Ларіоновичъ подъѣхалъ къ костелу и приказалъ отбить дверь. Свѣжо печеный хлѣбъ точно найденъ въ большомъ количествѣ, и для раздачи по полкамъ тотчасъ потребовали пріемщиковъ. Кутузовъ слѣзъ съ лошади и сѣлъ на поданную скамью, у самой дороги; мимо его носили хлѣбъ, кто въ мѣшкѣ, кто въ полѣ; одного изъ солдатъ онъ остановилъ, вынулъ изъ полы продолговатенькій хлѣбецъ, разломалъ на куски, и, раздѣливъ между окружавшими его генералами, ѣлъ кусокъ свой съ большимъ аппетитомъ, похваливая заботливость Нѣмцевъ о нашихъ врагахъ... Намъ, голоднымъ, тутъ же роздали этотъ прекрасный хлѣбъ, такъ внезапно низпосланный самимъ Провидѣніемъ; мы тоже ѣли каждый свою дачу, громко превознося нашего вождя и благодѣтеля.—Тѣмъ временемъ аріергардъ подошелъ ближе, а отрядъ гусаровъ и казаковъ, съ одной конной батареей, остановилъ обходныхъ недруговъ.

Въ продолженіе всего отступленія только разъ намъ довелось, такъ сказать, перевести духъ, послѣ перехода черезъ Дунай, у Кремса. Въ первый день кремскаго отдыха, Дохтуровъ потребовалъ къ вечерней зорѣ барабанщиковъ со всей дивизіи. Ватага этихъ шумилъ, человѣкъ сто, собравшись къ урочному времени, подлѣ дома, занимаемаго главнокомандующимъ, пріударили вечернюю зорю, прошли по главной улицѣ взадъ и впередъ. Эта грохотня, не доходившая до ушей Наполеона на всемъ пути до Дуная, вѣроятно изумила его, убѣдивъ, что мы ничуть не запуганы преслѣдованіемъ. Болѣе сутокъ мы поджидали здѣсь маршала Мортье, и не даромъ: сѣдины нашего вождя украсились въ этомъ дѣлѣ новыми лаврами, искусно отнятыми у торжествующихъ Французовъ. Наполеонъ, стоя на противолежащемъ берегу Дуная, скрежеталъ отъ досады, что не могъ пособить Мортье, и называлъ кремское сраженіе *воловьей бойнею*.

Кремсъ запечатлѣлся въ моей памяти еще по одному страшному случаю. Полковникъ Сулима, утромъ 31-го Октября, послалъ меня въ госпиталь, гдѣ производилась перевязка, составить раненымъ Московскаго Полка поименный списокъ, съ обозначеніемъ и самыхъ ранъ. Госпиталь устроенъ былъ на главной улицѣ, во второмъ этажѣ обшир-

наго зданія; широкая лѣстница съ пространной площадкою вела въ покои. Большая передняя наполнена была всякаго возраста Нѣмцами и Нѣмками; стоя рядами съ жбанами и ядовами туземнаго вина, они предлагали его желающимъ изъ человѣколюбія безденежно. Около нихъ тѣснились жаждущіе, и веселый говоръ оживлялъ эту фламандскую картину. Двѣ другія комнаты заняты были медиками, фельдшерами и разныхъ полковъ офицерами: послѣдніе находились здѣсь съ тою же цѣлію, какъ и я, чтобъ узнать о числѣ и состояніи своихъ раненыхъ: эти раненые лежали въ двухъ огромныхъ залахъ. Прошло много времени, пока я обошелъ всѣхъ страдальцевъ и насчиталъ человѣкъ до тридцати пяти нашего полка. Составивъ имъ поименный списокъ съ отмѣтками, я пробрался далѣе, гдѣ производились операціи; тамъ нашелъ изъ нашихъ, кромѣ семпадцати мушкеровъ изъ рогъ Маркова, Пробста и Данилевскаго, еще изъ знаменныхъ рядовъ четырехъ гренадеровъ, такъ бывшихъ мнѣ близкихъ во весь походъ; въ послѣдній разъ бесѣдовалъ я съ ними, и долго не могъ отъ нихъ оторваться. Распростясь, я перешелъ въ слѣдующую комнату и меня удивило большое число Французовъ съ ужасными ранами: они лежали рядомъ съ нашими: эти раны, по большой части отъ штыка, пріобрѣтены ими на длинной насыпи, гдѣ защищались храбро противъ москвичей и ярославцевъ. Поднятые, по приказанію Дохтурова, они были помѣщены въ общемъ съ Русскими госпиталѣ, и число ихъ далеко превосходило нашихъ раненыхъ. Многимъ, и Французамъ, и Русскимъ, отняты уже были кому рука, кому нога; другихъ продолжали пилить. Отъ жестокой духоты и тяжкаго зрѣлища у меня закружилась голова, и я вышелъ освѣжиться обратно къ парадной лѣстницѣ, на площадку. Скоро одолѣлъ меня сонъ, я присѣлъ въ уголъ; сколько времени проспалъ—не знаю, но было уже поздно, когда, въ просонкахъ, я услышалъ крикъ: «Выходи вонъ!» Хочу подняться, не могу, чувствую, что заваленъ спящими людьми. Но какой объялъ меня ужасъ, когда я убѣдился, что загроможденъ не спящими, а мертвецами: въ продолженіе моего сна, умирающихъ отъ ранъ и ампутацій выносили на эту площадку и складывали другъ на друга. Къ счастію, я усѣлся въ самомъ углу, и трупы не могли задавить меня; однако же безъ помощи казаковъ мнѣ не вылѣзть бы. Это происшествіе не обошлось безъ шутокъ. На голосъ мой, удалые сыны Дона шумно отвѣчали: «Полно, вправду-ли живъ, не морочишь-ли насъ»!, и, разваливая покойниковъ по сторонамъ, добрались до меня и вытащили. Потомъ, чтобъ не быть въ ошибкѣ, не призракъ-ли какой вынули съ того свѣта, подвели меня къ фонарю, и, смѣясь, осматривали съ головы до ногъ: вдругъ вышелъ изъ комнатъ нашъ полковой адъютантъ Иргара, до крайности обрадованный, что, наконецъ, отыскалъ

меня. Когда мы спустились съ лѣстницы на улицу, на дворѣ уже было темно, лилъ дождь и всѣ войска въ движеніи. Одни только легко раненые были отправлены въ Цнайму и далѣе: всѣ же трудные, вмѣстѣ съ Французами, оставлены въ Кремсѣ, при двухъ или трехъ фельдшерахъ (*).

Послѣ нашей достопримѣчательной прогулки отъ рѣки Инъ и Браунау, мы порядкомъ отдохнули въ ольмюцкомъ лагерѣ; но дальнѣйшее стояніе въ немъ угрожало арміи рѣшительнымъ голодомъ. Въ военномъ совѣтѣ почти всѣ изъявили желаніе—обратиться на непріятеля. Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія: онъ объявилъ, что затрогивать Наполеона еще рано, и предложилъ—отступать. Его спросили, гдѣ же предполагаетъ онъ дать ему отпоръ?—Кутузовъ отвѣчалъ: «Гдѣ соединюсь съ Бенингсеномъ и Пруссаками (**); чѣмъ далѣе завлечемъ Наполеона, тѣмъ будетъ онъ слабѣе, отдалится отъ своихъ резервовъ, и тамъ, въ глубинѣ Галиціи, *я погребу кости Французовъ*». Нѣмцамъ показалось это страннымъ, и мнѣнію русскаго военачальника не послѣдовали. Многіе шептались и болтали даже, что Кутузовъ помѣшался на ретирадахъ... Императоръ Александръ, увѣряемый Императоромъ Францомъ и его первенствующими генералами въ несомнѣнномъ успѣхѣ, отдалъ приказъ—идти на непріятеля, и, 15-го Ноября, двинулись на Вишау.

Можно представить себѣ радость Наполеона, видя рѣшимость союзной арміи дѣйствовать наступательно; онъ крайне опасался оборонительной системы Кутузова, и кто знаетъ, какія средства были имъ употреблены для того, чтобъ не послѣдовали совѣту нашего русскаго Фабія, будущаго рѣшителя судьбы Французовъ, который и тогда готовился погребсти ихъ кости. Уже со дня соединенія Кутузова съ Багратіономъ, Наполеонъ не напиралъ на насъ съ привычною ему

(*) Въ это ненастное время, у насъ по рядамъ разнеслась радостная вѣсть о побѣдѣ англійскаго адмирала Нельсона надъ Французскимъ флотомъ при Трафалгарѣ.—«Ништо ему! бормотали промежъ себя солдаты: вишь, забіяка, со всѣми разсорился; задѣлъ и заморскихъ попугаевъ! Да, вѣдь правду сказать, Бонапартія-то и молодецъ хоть, все-таки не сдоброватъ же ему.—Оно такъ, ворчали другіе, а пока что—мѣси грязь... Эхъ-ма! подхватили старики, ужъ и осовѣли, ребята. Намъ-ли тужить, братцы! Трудись, терпи, такъ и будешь снералъ. Мы видали не такое горе: въ Туретчинѣ и у Персовъ всего перебывало, а Богъ миловалъ; бусурманъ унялъ: задали такого трезвона, что и дѣдамъ ихъ не въ память!

(**) На всемъ пути нашего обратнаго шествія, носились слухи, что Пруссія отлагается отъ союза съ Французами и пристаетъ къ намъ. Еще до Дуная, вокругъ бивачныхъ огней, изъ разговоровъ между генералами, можно было разслушать не одинъ разъ похвалы прусскимъ войскамъ, и что Фридрихъ-Вильгельмъ уже давно недоволенъ диктаторскимъ тономъ Наполеона Бонапарте, и разрывъ неминуемъ.

быстротою, а съ занятіемъ нами ольмюцкой высоты, онъ вовсе утихъ и показывалъ видъ, что намѣренъ держаться въ оборонительномъ положеніи; словомъ, съ его стороны употреблены были всѣ хитрости, чтобы вызвать насъ на бой, и австрійскіе генералы, уже столько разъ имъ битые, какъ будто въ угожденіе завоевателю, усердно рвались противъ него впередъ. Да Нѣмцамъ и кстати было чужими руками жаръ загребать: главныя арміи ихъ находились внѣ опасности, а вся сила ольмюцкихъ войскъ заключалась въ Русскихъ; слѣдовательно, нечего было дорожить мнѣніемъ Кутузова.

Къ довершенію невзгодъ, ожидавшихъ насъ на поляхъ аустерлицкихъ, Императоръ Австрійскій упросилъ нашего Государя предоставить составленіе плана и диспозиціи для сраженія австрійскому генералъ-квартирмейстеру Вейротеру, такъ что Кутузовъ, оставаясь при своемъ званіи главнокомандующаго, игралъ во время сраженія простую роль исполнителя приказаній, объявляемыхъ австрійскими генералами.

У Вишау, 16-го Ноября, наши атаковали французскій авангардъ; упорство непріятеля длилось недолго; его опрокинули и гнали черезъ городъ штыками, въ присутствіи самого Императора Александра, ободрявшаго людей подъ непріятельскими выстрѣлами. Едва Французы скрылись за городъ съ потерею эскадрона драгунъ, и пріутихла на улицахъ смертоносная буря, какъ народъ тысячами показался у раскрытыхъ оконъ, дверей, воротъ и на крышахъ, привѣтствуя Государя восторженными криками радости. На этотъ разъ Нѣмцы ничего не жалѣли для Русскихъ: бочки съ виноградными винами, огромныя корзины съѣстнаго, появились у домовъ, и горожане радушно угощали нашихъ солдатъ.

На другой день, послѣ дѣла подъ Вишау, я чуть не попалъ въ бѣду. Мы подавались къ Брюнну; въ одиннадцатомъ часу утра намъ дали привалъ для завтрака, по лѣвую сторону шоссе; нашъ Московскій Полкъ примыкалъ къ нему на разстояніи не болѣе тридцати саженъ; направо, у самой дороги, стояла каменная гостинница и подлѣ нея большой колодецъ, кругомъ обставленный преогромными чанами, на чугунныхъ колескахъ. Скоро развели огни и принялись стряпать, причемъ воспользовались соломой и дровами, заготовленными для непріятеля; вода также была подъ рукой, и команды бросились къ колодцу. Чтобъ избавить людей отъ лишней ходьбы за водою, мнѣ вспало на мысль наполнить одинъ изъ чановъ и дотянуть его артелью до мѣста. По совѣту моему, гренадеры тотчасъ принялись за дѣло: уже они передвигали налитой чанъ черезъ шоссе, какъ поднялся вокругъ него большой шумъ. Пробравшись сквозь толпу, я увидѣлъ, что гренадеры спорятъ съ какимъ-то роскошнымъ кучеромъ, который силится напоить изъ чана двухъ прекрасныхъ лошадей, запряженныхъ

въ дрожки: ничего не понимая что за кучеръ и чьи дрожки, я оттолкнулъ его, сказавъ: «Это для людей вода, а лошадей можешь поить изъ колодца» — и приказалъ гренадеру дать ему котелокъ. Кучеръ хотѣлъ что-то говорить, но я махнулъ гренадерамъ, и чанъ покатился съ шумомъ. Не прошло и полчаса, какъ Полковникъ Сулима началъ розыскивать, кто изъ унтеровъ былъ при чанѣ: указали на меня, и я былъ потребованъ къ отвѣту. Тутъ съ изумленіемъ узнаю, что экипажъ и кучеръ Царскіе; но испугъ мой разсѣялся великодушнымъ вмѣшательствомъ Князя Долгорукова, который, узнавъ какъ произошло дѣло, сказалъ мнѣ очень благосклонно: «*Вы правы*», и отпустилъ. Пять лѣтъ спустя, я познакомился въ Петербургѣ съ знаменитымъ Ильей Ивановичемъ (*); онъ часто напоминалъ мнѣ *о чанѣ*, хвалилъ мою привязанность къ солдатамъ, а я не могъ его слушать не совѣстясь.

Нашъ солдатскій завтракъ продолжался недолго; скоро раздалась команда: *къ рукамъ*! Армія припяла влѣво и направилась прямо къ Аустерлицу, полями и виноградниками; одинъ Князь Багратіонъ съ авангардомъ преслѣдовалъ непріятеля по большой дорогѣ къ Брюнну. Часа два гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, обличая его шествіе, доходилъ до нашихъ ушей; но когда удалились отъ главнаго шоссе, до насъ перестала долетать авангардная пальба, и мы шли влѣ всякой тревоги.

На слѣдующій день дали роздыхъ, подлѣ двухъ небольшихъ деревень; въ нѣсколько минутъ улицы наполнились солдатами, не смотря на то, что оба Императора и генералитетъ занимали нѣкоторые домы; на главной, гдѣ проходило шоссе, разныхъ полковъ нижніе чины, гурьбой, ловили куръ, и одна изъ нихъ порхнула вверхъ и разбила окошко: тамъ были Александръ и Францъ. Люди испугались: Милорадовичъ, выбѣжавшій оттуда, сталъ ихъ стыдить, называя нахалами. Лишь начали солдаты расходиться, какъ показались у двери съ веселымъ видомъ оба Императора. Вмѣсто ожидаемаго наказанія людямъ, что, въ виду своихъ Вѣнценосцевъ, такъ дерзко полевали, Императоръ Францъ приказалъ, чтобъ тотчасъ отпустили во всѣ полки винную порцію. Спустя часъ, мѣста куринаго погрома остались впустѣ: всѣ колонны были на маршѣ.

(*) Лейбъ-кучеръ Императора Александра, сопровождавшій Государя во всѣ Его походы, поѣзди и частые разъѣзды по Россіи. Это историческое лицо особенно замѣчательно по своему уму и примѣрной преданности. Во время пути, Государь любилъ бесѣдовать съ Ильею, котораго словоохотность и сладкая рѣчь увлекали слушателя до очарованія. Рѣдкое достоинство Ильи Ивановича и въ томъ, что онъ никогда никого не оговаривалъ, а если что и объяснялъ любознательности Монарха, то по сущей справедливости; прямой души и чистый сердцемъ, Илья часто дѣлалъ добро и никогда не злословилъ.

Все время оба Императора находились при арміи; войска шли побригадно колоннами, въ нѣсколько линій, и представляли великолѣпное зрѣлище. Кавалерійскіе отряды, живописно разбросанные версты за полторы впереди, открывали дорогу; команды піонеровъ держались почти на томъ же разстояніи, и гдѣ встрѣчались ручьи или рытвины, неудобопроходимые для артиллеріи, тотчасъ ихъ поправляли, строили мосты или накидывали понтоны. Погода стояла ясная, кромѣ туманныхъ утренниковъ, начавшихся съ 18-го Ноября. Императоръ Александръ на маршѣ всегда былъ верхомъ; по крайней мѣрѣ намъ не случалось Его видѣть въ экипажѣ; безпрестанно Онъ появлялся передъ нами, переѣзжая отъ одной колонны къ другой, или, опередивъ всю массу войскъ и ставъ на возвышеніи, онъ любовался нашимъ прохожденіемъ. Полки арміи Кутузова были размѣщены между новопришедшими, и своею темною одеждой слишкомъ рѣзко отъявляли испытанныя трудности похода. Шествіе Россійской Гвардіи, въ чель которой ѣхалъ верхомъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, имѣло видъ высокаго торжества: смотря на нее, каждый изъ насъ увѣренъ былъ въ побѣдѣ.

Съ той поры, какъ свернули съ брюннскаго шоссе, музыки, пѣсенниковъ, барабаннаго бол не слышно было нигдѣ; казалось по всему, что движеніе наше хотѣли скрыть отъ непріятеля. Однако, въ продолженіе этихъ наступательныхъ маршей, наши почлеги, начиная съ ольмюцкаго лагеря, обозначались бивачными пожарами: сдва трогались мы съ мѣста, показывались на двухъ или трехъ пунктахъ расположенія Австрійцевъ густые клубы дыму, и вскорѣ огонь, охвативъ одинъ по другому всѣ шалаши, пожиралъ ихъ до тла. Императоръ Александръ, видя такое опустошеніе, и не менѣе того довольно изобличающее направленіе наше, спросилъ Кутузова на маршѣ третьяго перехода: «Зачѣмъ эти пожары, Михайло Ларіоновичъ?»—«Не наши причиной, Ваше Величество, отвѣчалъ главнокомандующій. Я строго приказалъ наблюдать осторожность отъ огня; но Австрійцы, вѣроятно съ досады на скупость своихъ земляковъ, жгутъ ихъ послѣднее добро. Такихъ сигналовъ у меня не было во всю ретираду, а у Цесарцевъ, повидимому, въ обычаѣ освѣщать свое наступательное движеніе.» Вслѣдъ за этимъ разговоромъ, казачьимъ партіямъ приказано, чтобы, по выходѣ войскъ съ бивакъ, заливать огни, и пожары прекратились. Вообще на этомъ походѣ жители болѣе потерпѣли отъ своихъ собственныхъ войскъ: я видѣлъ не разъ какъ австрійскіе солдаты таскали въ лагерь, кромѣ разной домашней утвари, большія перины, одѣяла, тюфяки, подушки, и, устилая ими шалаши, спали на пихъ, или, какъ водится, изъ отчаянія, въ ожиданіи смерти, роскошничали; потомъ, съ намѣреніемъ или отъ небреженія, все истребляли огнемъ. Во многихъ деревняхъ, за неимѣніемъ дровъ, разобраны ими для бивачныхъ огней цѣ-

лые дома, на выборъ лучшіе, и жители провожали своихъ и насъ съ проклятіями.... Можно побожиться, что наши солдаты отъ самаго Брауна нигдѣ не жгли бивакъ. Случалось, что, по недостатку топлива, разрушали по деревнямъ хилые домики, и то рѣдко; но жечь шалаши и безъ строжайшаго на то запрещенія у нашихъ не хватило бы варварства: австрійскіе командиры—настоящіе виновники этихъ походныхъ фейерверковъ.

19-го Ноября, вечеромъ, миновавъ Аустерлицъ, мы подошли къ высотамъ Працена и остановились у подошвы горы, на виноградникахъ. Нѣсколько часовъ прошло въ ожиданіи: отлучаться изъ фронта и разводить огни запретили строго, а позволили прилечь каждому въ своемъ ранжирѣ. Мракъ ночи и какая-то могильная тишина нашептывали о близкой грозѣ; люди догадывались, что здѣсь расплатимся съ Французами; они ожидали генеральнаго сраженія какъ свѣтлаго праздника. «И сонъ не беретъ, говорили многіе; кабы скорѣе перевѣдаться съ злодѣями: вѣдь ужъ не спроста батюшка нашъ *надежа* поворотилъ назадъ: онъ порядкомъ отбояритъ *Бонапартію*...» Такъ нижніе чины разсуждали между собой, вовсе не зная, что этотъ надежа-Кутузовъ состоялъ подъ распоряженіями нѣмецкихъ головъ. Около полуночи, осторожно подвинули насъ къ вершинѣ, гдѣ и пролежали мы до утренней зари. Очень хорошо помню, какъ взбирались на эту высокую гору: хотя и пологая, а довольно утомила: солдаты безпрестанно повторяли: «Эка его дьволъ куда занесъ...» Отъ времени до времени до насъ долетали отголоски восклицаній изъ французскаго лагеря; люди, прислушиваясь, говорили: «Французъ что-то разгулялся, видно у него идетъ попойка (*)».

Едва начало свѣтать, намъ тихо скомандовали: *вставай!* Дохтуровъ, подъѣзжая къ фронту, приказывалъ оправиться и осмотрѣть ружья. Скоро увидѣли маститаго Кутузова на воронômъ аргамакѣ: это былъ тогда его любимый боевой конь. Поговоря съ нашимъ генераломъ, главнокомандующій проѣхалъ къ 4-й колоннѣ, гдѣ находился нашъ Государь. Немного погодя, повели насъ подъ гору. Когда мы

(*) То былъ канунъ первой годовщины коронаціи Императора Наполеона, и Французы, вмѣсто иллюминаціи, по походному, поднявъ на длинныхъ шестахъ огромные пуки зажженной соломы, привѣтствовали своего царственнаго вождя, при проѣздѣ по линіи, криками *виватъ*! Останавливаясь, Наполеонъ говорилъ солдатамъ: «Завтра вамъ, храбрые, слѣдуетъ рѣшить вопросъ—чья пѣхота первая. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданія Франціи и мои; кончимъ походъ громовымъ ударомъ!», и обѣты Французовъ подарить ему, вмѣсто букета на его праздникъ, непріятельскую армію, выражались восторженными кликами, долетавшими до нашихъ ушей, по мѣрѣ его проѣзда и разстановокъ. Наши между тѣмъ, перекликаясь, тужили, что нѣтъ имъ по чаркѣ.

спустились въ долину, егеря, казаки и Кроаты Кинмейера уже перестрѣливались съ непріятелемъ. Въ рукахъ у меня было знамя: я шелъ бодро, словно на охоту; густой туманъ скрывалъ отъ глазъ всѣ предметы: вдругъ я наткнулся на двухъ убитыхъ егерей: меня обдало холодомъ и страхъ пробѣжалъ по жиламъ, заронивъ въ грудь нѣчто похожее на трусость.—Но иду со знаменемъ! подумалъ я, и стало совѣстно унадать духомъ. Мысль, что увижу грозное зрѣлище, эту, для меня, первую генеральную битву, пролила теплоту въ охладѣвшія чувства, и я силился подавить малодушіе. Офицеры поминутно кричали людямъ, чтобъ не разрывались и шли тѣснѣе. Уже мы ступили на мѣста, занимаемыя непріятельскими застрѣльщиками, какъ увидѣли тѣла убитыхъ Французовъ. Взглядъ на поверженнаго врага разомъ освѣжилъ меня удвоенною бодростью; но смотря на мужественныхъ усачей, о бокъ со мной идущихъ, я краснѣлъ въ душѣ, и затаилъ отъ нихъ едва минувшій страхъ. За туманомъ, почти до девяти часовъ, все еще мало что могли различать: впрочемъ, это не помѣшало подойти къ шанцамъ, и полкъ развернутымъ на маршѣ фронтомъ бросился впередъ. Французы защищались упорно; мы однако выбили ихъ изъ шанцовъ штыками, и подавались за ними въ туманѣ; тутъ казаки подвели къ Дохтурову захваченнаго французскаго офицера; отъ него узнали, что Наполеонъ въ центрѣ своей арміи, а противъ насъ войска маршала Даву. Скоро прогляпуло солнце, мгла разсѣялась, и мы вдругъ увидѣли передъ собой французскую линію въ самомъ близкомъ разстояніи. Застонали орудія, загрохоталъ батальный огонь, и земля дрогнула. Обѣ линіи, наша и непріятельская, очутились въ непроницаемомъ дыму, обозначаемыя только бѣглымъ огнемъ. Такъ началось сраженіе на лѣвомъ флангѣ нашей арміи: штыкъ и сабля съ крикомъ *ура!* работали въ волю, и Французы быстро очищали намъ и поле, и деревни. Въ пылу свалки, голосъ Дохтурова часто раздавался: *знамена впередъ!*, и вся масса полка стѣной валила на врага. Раза два били отбой, когда наши съ запальчивостію вдавались въ опасность. Уже далеко были мы отъ центра нашей арміи, и стояли побѣдителями за Тельницомъ; Баталіонный Адъютантъ Пожидаевъ, ходя по фронту, объявлялъ людямъ, что, по назначенію, намъ должно занять Тураскій Лѣсъ, указывая на чернѣющееся вдали возвышеніе. «Перешагнемъ и лѣсъ, и этихъ Французовъ, ваше благородіе», отзывались солдаты. Простиравшееся за нами пространство было усѣяно убитыми и ранеными: Русскихъ пало втрое менѣе чѣмъ Французовъ, которые мѣстами лежали кучами; при безпрерывномъ нашемъ передвиженіи, многіе изъ послѣднихъ, легко раненые, подымались и стрѣляли по нашимъ, а нѣкоторые изъ нихъ и лежа пускали пулю въ ряды Русскихъ; Дохтуровъ, замѣтивъ эти продѣлки, приказалъ отобрать у ра-

неныхъ Французовъ оружіе. Невдалекѣ, одинъ непріятельскій драгунъ, въ косматой каскѣ, лежалъ съ перебитой ногою и долго не отдавалъ палаша; уже хотѣли изрубить упрямца тесаками, какъ Дохтуровъ закричалъ: «Оставьте ему завѣтный палашъ и не трогайте его!» При каждомъ наступленіи на врага, полковая музыка начинала играть какой-нибудь танецъ: такое смѣшеніе ужаса съ веселыми звуками кларнета и флейтъ ободряло нашихъ солдатъ и, казалось, не радовало Французовъ.

Пока мы подавались впередъ за отступающимъ непріятелемъ, Наполеонъ главными силами двинулся на перерѣзъ нашему центру. Столь внезапный натискъ захватилъ союзныя войска на маршѣ, по направленію за нашимъ лѣвымъ флангомъ, и произвелъ сильное замѣшательство. Одинъ колонны Графа Буксгевдена и право-фланговая Князя Багратіона сошлись съ непріятелемъ въ боевомъ порядкѣ; остальное все, слѣдуя австрійской диспозиціи, подверглось страшному разстройству: резервы, шедшіе позади безъ всякаго опасенія, вдругъ очутились передъ непріятельскими колоннами въ первой линіи; такъ было и съ нашей Гвардіею.

Аустерлицкое пораженіе нельзя вмѣнять въ вину русскимъ войскамъ: у насъ всѣмъ распоряжался австрійскій генералъ-квартирмейстеръ *Вейротеръ*, заступившій мѣсто искуснаго Шмита, къ сожалѣнію, убитаго подъ Дирнштейномъ. Въ арміи тогда же сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые изъ австрійскихъ генераловъ, особенно графъ Бубна, сильно оспаривали распоряженія Вейротера, по милости котораго на операціонной линіи союзныхъ войскъ, растянутой верстъ на 15-ть, все шло наизворотъ, и побѣда какъ будто подставлена была нашему противнику. Наполеонъ ломился вездѣ навѣрное, словно впередъ зная диспозицію.... Кутузовъ присутствовалъ при этомъ безпорядкѣ какъ лицо субальтерное, и отстранить ударъ уже не имѣлъ власти; предвидя неудачу, онъ болѣе часа мѣшкалъ на праценской высотѣ, желая удержать за собой этотъ ключъ всего поля сраженія; но Вейротеръ настоялъ на томъ, чтобъ побудить Кутузова къ движенію, и русскій военачальникъ оставилъ праценскую позицію съ негодованіемъ, когда самъ Государь лично приказалъ ему выступить. Французы какъ будто сговорились съ нѣмецкими распорядителями, и лишь замѣтили, что высоты Працена обнажены и безъ прикрытія, какъ немедленно овладѣли ими и внезапно явились въ тылу нашего лѣваго фланга, направленнаго въ обходъ ихъ праваго фланга.

Диспозиція Вейротера, разсказанная такъ вѣрно самимъ Наполеономъ, чуть не погребла всѣ союзныя войска, и подвергла самого Государя нашего величайшей опасности. Посреди неумолкаемаго пушечнаго и ружейнаго огня, Александръ явилъ рѣдкій примѣръ геройской

твердости, и долго самъ лично удерживалъ въ центрѣ полки, приведенные въ замѣшательство. Къ несчастію, Вейротеръ распорядился такъ, что не оставилъ ни малѣйшаго резерва, на который можно было-бъ опереться.

Когда нашъ центръ былъ опрокинутъ за высоты Працена, Кутузовъ, маневрируя съ цѣлію ударить во флангъ войскамъ Сульта, отдѣлился отъ Государя нѣсколько влѣво, и скоро былъ совершенно отъ него отрѣзанъ. Подъѣхавъ къ отступавшей бригадѣ Графа Каменскаго 1-го, главнокомандующій поворотилъ ее на непріятеля; напиравшія двѣ французскія колонны стали тѣснить бригаду, но Кутузовъ вторично остановилъ ее. Не смотря на то, что при этой горячей схваткѣ былъ раненъ пулей въ бровь, онъ кричалъ солдатамъ: «*Ни шагу назадъ, стоять на смерть!*», и приказалъ находившемуся при немъ Князю Волконскому задержать порывъ врага. Волконскій соскочилъ съ лошади и, подбѣжавъ къ смѣшавшимся рядамъ, выхватилъ знамя у фанагорійскаго подпрапорщика: потрясая имъ передъ гренадерами, онъ въ короткихъ словахъ вызвалъ ихъ мужество и отвагу, и дружно грянулъ въ штыки; Французы остолбенѣли и дали тылъ, оставивъ на мѣстѣ два орудія и нѣсколько патронныхъ ящиковъ. Такой оборотъ имѣлъ спасительное вліяніе на судьбу всей союзной арміи. Тутъ-то главнокомандующій, для прекращенія дальнѣйшихъ успѣховъ непріятеля, разослалъ приказъ отступать по всей линіи, и самъ направился на позицію къ Гостіерадеку, гдѣ построилъ находившіеся при немъ полки къ новой битвѣ.

Между тѣмъ вездѣ по фронту пронесся слухъ, что Государь въ опасности и главнокомандующій раненъ: эта вѣсть разразилась надъ нами словно ударъ молніи.

Пока Русскіе собирались у Гостіерадека, Французы, занявъ высоты Працена, пускали на обозы и рубили фурлейтовъ и маркитантовъ. Можно себѣ представить смятеніе этихъ безоружныхъ людей! Нѣкоторые изъ полковыхъ священниковъ служили молебны: съ крестомъ въ рукѣ и въ полномъ облаченіи, они бросились по слѣдамъ колоннъ Дохтурова и Ланжерона, скоро появились у нашего фронта и первые доставили печальную вѣсть, что непріятель въ тылу; рядомъ съ ними показались толпы денщиковъ, фурлейтовъ и придворная прислуга Императора Франца. Одинъ маркитантъ съ отчаяніемъ указывалъ на свои разграбленныя фуры: «Изувѣры! кричалъ онъ, приняли наше русское мыло за голландскій сыръ, и давай есть: *околѣй они, окаянные!*» Тутъ же сухощавый Нѣмецъ скорбѣлъ о потерѣ императорскаго походнаго сервиза и двухъ ословъ, на которыхъ возили эту богатую игрушку, забавлявшую нашихъ солдатъ на всемъ пути отъ Ольмюца. Денщики сѣтовали, кто о повозкѣ, кто о выоч-

ныхъ лошадяхъ; иной жаловался, что Французы били его палашами; другой разсказывалъ, какъ сорвали съ него барскій чемоданчикъ; тотъ исторію о шарфѣ, еще ни разу не мятомъ. Этимъ жалобамъ не былобъ конца, если бы не лопались между нами гранаты, пускаемыя непріятелемъ какъ бы въ насмѣшку, чтобъ разшевелить нашъ застой.

Громъ орудій усиливался на всемъ отъ насъ протяженіи боевыхъ столкновеній, и отъ времени до времени долетали до ушей громкіе крики: *Ура!*

Графъ Буксгевденъ, по какимъ-то причинамъ, не успѣлъ нанесть войскамъ Даву рѣшительный ударъ, и наша колонна, отбивъ непріятеля въ третій разъ за Тельницъ, даромъ простояла на мѣстѣ, безъ всякаго дѣйствія, болѣе часа. Въ эти-то драгоцѣнныя минуты Наполеонъ громилъ нашъ центръ. Колонны Графа Буксгевдена свободно могли ударить ему во флангъ, и нанесть съ тылу въ рядахъ Сульта большой вредъ; но этотъ маневръ, такъ убѣдительно предлагаемый Графу Буксгевдену Дохтуровымъ, не былъ уваженъ. Наконецъ, наступила перемѣна декорацій, непріятель: разстроивъ союзныя войска въ центрѣ, охватилъ со всѣхъ сторонъ колонну Прибышевскаго, потомъ Ланжерона: тутъ у насъ получили повелѣніе отступать.

Императорская Гвардія, подъ личнымъ предводительствомъ Константина Цесаревича, внезапно на маршѣ встрѣтившая непріятеля, билась отчаянно, и Французамъ недешево обошлось ея сопротивленіе. Лейбъ-уланы понеслись первые въ атаку, умчались слишкомъ опрометчиво въ глубь непріятельскихъ колоннъ, и были отрѣзаны отъ корпуса. Эту неудачу славно поправилъ Конногвардейскій Полкъ: отборные всадники Мюрата тщетно удерживали напоръ нашихъ грозныхъ латниковъ; разсѣявъ ихъ съ одного удара, они стѣной налетѣли на французскую пѣхоту, изрубили 4-й линѣйный полкъ и отняли орла. Тѣмъ временемъ наши великаны преображенцы кололи Наполеоновыхъ мамелюковъ; семеновцы, въ свою очередь, храбро отразили бурный натискъ Рило и драгуновъ Келлермана. Измайловцы, егеря и лейбъ-гусары, препираясь съ непріятелемъ грудь о грудь, остановили передовую колонну Бернадотта, намѣревавшуюся прорвать центръ Гвардіи: такъ каждый полкъ, одинъ передъ другимъ, старался оправдать довѣріе своего царственнаго вождя. Въ заключеніе, кавалергарды и лейбъ-казаки сошлись съ конными гренадерами Раппа, какъ два громовыя облака: завязалась свалка кровавая: генералъ Депрерадовичъ троекратно опрокидывалъ Французовъ; но при четвертомъ ударѣ былъ раненъ, и нѣкоторые его эскадроны сильно потерпѣли. Подъ конецъ всей этой бойни, показался Лейбъ-Гренадерскій Полкъ, и Французы вдругъ остановились; имъ показалось, что къ намъ подошелъ корпусъ

Эссена, ожидаемый со дня на день. Уже лейбъ-гренадеры взяли ружья на перевѣсъ и готовы были принять непріятеля въ штыки, какъ полученъ былъ приказъ *отступать*, и Русская Гвардія, не тревожимая болѣе, отошла къ Аустерлицу, гдѣ находились оба Императора Александръ и Францъ.

Князь Багратіонъ, шедшій въ замкѣ, на всемъ пути отражалъ Французовъ, пересѣкавшихъ ему дорогу; залпы батарей Ермолова открывали шествіе и разносили ужасъ въ рядахъ дивизіи Каффарели; немалое опустошеніе произвели и по сторонамъ колонны Графъ Витгенштейнъ, Уваровъ и Князь Долгоруковъ, съ своими наѣздниками; особенно Графъ Каменскій 2-й, съ своимъ Архангелогородскимъ Полкомъ, задержавъ у одного ущелья дивизію Сюше, дрался до истощенія, и, не смотря на то, что самъ былъ израненъ, юный герой нанесъ противнику чувствительный уронъ, лишивъ его двухъ боевыхъ генераловъ и истребивъ на половину одну изъ бригадъ, сражавшуюся противъ него. Присутствіе Мюрата и Ланна не помогло Французамъ; при всемъ ихъ численномъ превосходствѣ, они не успѣли отрѣзать отъ арміи грознаго Багратіона, постоянно ихъ державшаго въ почтительномъ отъ себя разстояніи.

Милорадовичъ, подкрѣпленный конницею Князя Лихтенштейна и артиллеріею Россійской Гвардіи, упорно отстаивалъ послѣднюю позицію у Аустерлица, предъ лицемъ Императора Александра: «Богъ мой! кричалъ онъ солдатамъ; гуще огня, ребята! Государь на васъ смотритъ!» Не посчастливилось одному Прибышевскому: вмѣсто того, чтобъ, слѣдуя Графу Ланжерону, пробиваться къ Тельницу, для соединенія съ Дохтуровымъ, онъ потянулся отъ Сокольница на Кобельницъ и попалъ въ львиный зѣвъ, между двумя непріятельскими корпусами и гвардіей Наполеона. Не взирая однако на превосходство непріятеля и ужасную сѣчу, нѣкоторые изъ его баталіоновъ пробились изъ вражеской облавы штыками; самъ же Прибышевскій и генералы Вимпфенъ, Шѣтрикъ и Селеховъ взяты въ плѣнъ. Генералъ Миллеръ отбивался храбро, къ сожалѣнію получилъ тяжелую рану: остаться при фронтѣ онъ не могъ, и былъ перенесенъ въ Сокольницкій Замокъ, гдѣ его также захватили въ плѣнъ.

Любопытенъ финалъ аустерлицкой трагедіи: его можно бы назвать вторымъ актомъ этой битвы, или отдѣльнымъ сраженіемъ надъ Гольдбахомъ. Я находился въ колоннѣ Дмитрія Сергѣевича Дохтурова, и мнѣ также довелось участвовать въ этомъ кровавомъ и поучительномъ бою, и быть свидѣтелемъ самыхъ смѣлыхъ и отчаянныхъ схватокъ; онѣ разгорались болѣе около знаменъ. По прекращеніи дѣйствій противъ высотъ Працена и праваго фланга нашей арміи, противъ

Гвардіи и погрома колоннъ Прибышевскаго и Ланжерона (*), Наполеонъ, видя, что союзныя войска, не смотря на разстройство центра, отступили на новую позицію, обратился на колонну Дохтурова, еще оставшуюся въ тылу у него въ боевомъ порядкѣ. Даву, Удино, Сультъ, Мортье, Бессьеръ, Вандамъ нависли, какъ тучи, со всѣхъ сторонъ. Гвардія и резервы Наполеона заняли высоты Аугеста, и онъ самъ лично направлялъ противъ насъ всѣ атаки и самую канонаду. Завоеватель съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки усиленныхъ нападеній на Дохтурова; онъ приказалъ маршаламъ не выпускать его и если не успѣютъ заставить Русскихъ положить оружіе, истребить ихъ до ноги. Дохтуровъ, окруженный отвсюду, сперва пытался перейти рѣчку Литаву, ниже Аугеста, по мосту; но едва взъѣхало на него нѣсколько орудій, какъ мостъ обломился; говорили, что сами Нѣмцы подпилили сваи; тогда войска построились въ огромный каре, на равнинѣ между Гольдбахомъ и озерами; къ намъ присоединились нѣсколько отрѣзанныхъ полковъ Ланжерона и остатки колонны Прибышевскаго. Распорядясь отрядами генераловъ Левиза и Кинмейера противъ гнѣздившагося по низамъ и на высотахъ непріятеля, Дохтуровъ рѣшился искать дороги черезъ болота. Свернувъ полки въ одну густую глубокую колонну, онъ скомандовалъ: *маршъ-маршъ, бѣгомъ!*, повторяя: «*За мной, за мной, дѣти!*» Въ рядахъ раздались голоса старыхъ солдатъ: *стой, стой!* Видно было, что люди неохотно отступали. Эти крики заглушались громомъ 150-ти непріятельскихъ орудій, выстроенныхъ противъ насъ на высотахъ Аугеста; ядра осыпали нашу колонну, рвали, терзали ее; Дохтуровъ, не трогаясь ни возгласами, ни смертоносною бурей, ѣхалъ хладнокровно рысцой впереди колонны, сопутствуемый двумя Моравцами, австрійскими колонновожатыми, и подавался прямо къ водяной мельницѣ. Достигнувъ небольшой плотины, единственнаго пути, по которому можно было еще отступать, колонна остановилась: передніе полки перебѣжали мостикъ въ порядкѣ, и, миновавъ избитую ядрами водяную мельницу, потянулись по направленію озера влѣво; множество солдатъ, не попавшихъ на мостъ на рѣчкѣ Литавѣ, перебирались туда же черезъ озеро по льду, еще нескрѣпкому, и, къ довершенію, изрѣзанному рикошетными выстрѣлами. Тогда непріятель перемѣнилъ дирекцію пушечной пальбы, поворотивъ орудія на перешедшихъ за плотину; на остальныхъ же пустилъ конную артиллерію, и началъ сѣять въ насъ картечью. Полки Вятскій и Московскій находились въ замкѣ, и нашъ гренадерскій баталіонъ ринулся на артиллеристовъ въ рукопашную; непріятельскія орудія замолкли: нѣкоторыя, лишась лошадей и людей, остались на мѣстѣ, прочія

(*) Графъ Букгевденъ, оставивъ подъ конецъ нашу колонну, примкнулъ къ одному изъ полковъ Графа Ланжерона, и отступилъ черезъ Аугестъ.

удалились. Но тутъ наскакала французская конница и врубилась въ наши ряды: москвичи и вятчане, охвативъ ее съ боковъ и съ тылу, надвинули на передніе полки, и, слившись въ кружокъ, втоптали Французовъ въ середку и приняли въ штыки: никого изъ нихъ не осталось въ живыхъ. Ожесточеніе Русскихъ дошло до крайняго предѣла: только и слышно было: *коли въ грудь, какъ въ рѣпу!*

Мѣсто, гдѣ происходило побоище, благопріятствовало Русскимъ: оно имѣло видъ мыса между двумя озерами, соединявшимися рытвиной у плотины и мельницы. Пока рѣзня съ конницей длилась, гренадерскіе баталіоны вятскій и московскій выдерживали новые натиски. Вдругъ увидѣли мы передъ собою Книмейера и его храбрыхъ Венгровъ; напираемые Французами, они неслись отъ Аугеста вдоль верхняго озера прямо на нашъ фронтъ, и, остановясь во ста шагахъ передъ нами, построились въ линію. Любо было смотрѣть, какъ они съ крикомъ: *теренте-баса!* бросались на французскихъ всадниковъ; съ короткими трубками въ зубахъ, они нападали сперва стѣною, и, отдѣлясь другъ отъ друга нѣсколько порознь, осыпали противника и лошадь его сабельными ударами съ проворствомъ и ловкостію изумительными. Почти полчаса продолжались эволюціи Венгровъ; наконецъ, ихъ потребовали прочь; мы сдвоили ряды, и они, проскакавъ мимо насъ, скрылись. Немного спустя, показались съ другой стороны удалые Донцы, отрядъ генерала Левиза; они пробирались отъ Тельница берегами нижняго озера. Построясь впереди насъ, казаки ходили на ударъ раза три удачно, но при четвертомъ подоспѣла непріятельская батарея и осадила ихъ картечью; оправясь, они рванулись на пушки, гдѣ столкнулись съ кирасирами; тутъ, оборотясь опрометью назадъ, они чуть не смяли нашъ фронтъ; мы ихъ пропустили и встрѣтили Наполеоновыхъ латниковъ рогатками штыковъ и батальнымъ огнемъ. Пушекъ при полку не было; заклепанныя, онѣ брошены у обрушившагося моста надъ Литавой, и, къ немалой досадѣ, не могли поподчивать богатырей картечью. Отважнѣйшіе изъ нихъ вломились въ наши ряды и пали подъ штыками: кажется, Бессьеръ пожалѣлъ латниковъ и отвелъ ихъ назадъ. Вслѣдъ за ними явились во множествѣ новые отряды французской кавалеріи: бѣшеные наскоки ихъ замирали на русскомъ остріѣ, и Бурсье напрасно силился одолѣть оплотъ нашихъ дружинъ. Между тѣмъ отъ деревни Тельницъ привалила непріятельская пѣхота и заворковалъ ружейный огонь. Маршалъ Даву рискнулъ ударить въ штыки; наши приняли его *по-Суворовски*: батальонные командиры: Гасевскій, Шамшевъ, ротные: Клименко, Шостакъ, Марковъ, Пробстъ, кричали людямъ: «Ребята, не посрамите себя! постоимъ за Царя и матушку Россію!» Солдаты, тѣ самые, что, вступая въ бой, всѣ безъ исключенія усердно шопотомъ молились, и каждый про

себя твердилъ *Отче нашъ*, въ этотъ страшный моментъ вдругъ разсвирѣпѣли какъ тигры противъ гіенъ, и съ возгласомъ: *Съ нами Богъ!* кололи насупившагося врага сердито, съ остервененіемъ!... Подобныя сцены, въ столь широкомъ объемѣ, встрѣчаются лишь изрѣдка, и перо не способно выразить всѣхъ ужасовъ лютости и кровопролитія: просто, это была не битва, а звѣрская травля, въ которой люди, съ обѣихъ сторонъ воодушевляемые долгомъ чести, рѣзались на смерть, словно на заклятой дуэли.... Русскіе, уже съ дѣтства привыкшіе къ кулачнымъ боямъ, дѣйствовали съ отвагой, со всѣми дѣдовскими ухватками; французское фехтовальное искусство далеко уступало неподражаемой русской удали; каждый изъ нашихъ, помня, что назначенъ отстаивать колонну, пока выберется изъ жерла за мельницу, работалъ за троихъ: ударивъ въ одного штыкомъ, другаго шаломилъ на отмахъ прикладомъ и ломилъ встрѣчныхъ стволомъ плашмя. Многіе, съ большой ловкостью подставляя свою ногу подъ ноги устремлявшагося недруга, опрокидывали его навзничь, или, пуская пулю, приговаривали: *Кабы Бонапартію!*; у которыхъ же осѣкались кремня, или скривились штыки, оборачивали ружья вверхъ и валяли супостата по головамъ прикладами. Такъ, на разные манеры, бойкая Русь, съ дивнымъ присутствіемъ духа, укладывала на вѣчный покой безстрашныхъ Французовъ! Они валились какъ снопы подъ серпомъ дюжаго жнеца; ряды ихъ рѣдѣли, пятились; но при каждомъ напорѣ съ нашей стороны непріятель подставлялъ новыя когорты. Сультъ, съ побѣдоносными баталіонами, навалился отъ верховья верхняго озера и затмилъ воздухъ свинцомъ. Бойня длилась еще болѣе часа. Нашъ Полковой Командиръ Сулима уже былъ поверженъ: Французы утащили его. Тѣмъ временемъ колонна перешла за роковую мельницу; остались только Полки Московскій и Вятскій, а Французы что далѣе умножались безъ числа, и намъ стало не подъ силу держаться. Мельница, плотина и мостикъ съ шлюзомъ были уже разрушены неумолкаемой канонадою съ высотъ Аугеста; изъ верхняго озера вода бурно стремилась и рытвина полнѣла. Тутъ раздался крикъ: «*Вонъ знамена съ деревокъ, спасайся!*» Душа порхнула въ пятки (*). Оба

(*) По крайней мѣрѣ у меня. Сила, храбрость, самосознаніе, все разомъ кануло въ ноги. Перебираясь черезъ рытвину по грудь въ водѣ, тутъ только почувствовалъ кой-какую свѣжесть, и что я еще живъ. Нѣтъ ужъ ничего опаснѣе, какъ въ разгарѣ свалки оборотиться спиной къ врагамъ; но еслижъ такъ пришлось, то дай Господи только ноги: на нихъ вся надежда.

Пока еще мы боролись и тузили Французовъ за рытвиной, Дохтуровъ посылалъ Адъютанта Галіонку провѣдать о нашей участи. Галіонка подъѣзжалъ къ мельницѣ, смотрѣлъ на наше кровавое мѣсиво, и, воротясь, донесъ генералу: «Что тамъ сущій содомъ: все перемѣшано въ огнѣ и въ дыму; нельзя ничего различить; развѣ одинъ Христосъ провидитъ объ участи москвичей и вятчанъ»

полка, сдѣлавъ послѣдній залпъ, бросились разорванными массами къ водорею; противолежащая крутизна берега не помѣшала вскарабкаться, хоть и съ большой потерею. Страхъ, чтобъ не оборваться съ скользкой крутизны и не быть задавленнымъ въ глубокой рытвинѣ, придавалъ изумительную смѣлливость и проворство; мы, такъ сказать, мигомъ очутились на другой сторонѣ, и опять стали лицемъ къ непріятелю, безпощадно осыпавшему насъ бѣглымъ огнемъ и картечью. День склонялся къ вечеру и наступило послѣднее дѣйствіе. Французы, гнавшіеся за отрядомъ Левиза (*), перебрались за нимъ черезъ нижнее озеро камышами и снова надвинулись; конные егеря, въ медвѣжьихъ шапкахъ, нагло наскакивая, кричали: *Русь, пардонъ*, выражая этой фразой, чтобъ сдавались. *Шикъ пардонъ!* грозно отзывались наши, и, выстрѣливъ, съ яростью, размашисто, кидались на нихъ и повергали штыками. Эти смѣлыя схватки продолжались на ретирадѣ до позднихъ сумерекъ, и ни одинъ изъ нашихъ не дался живой въ руки. Присланные Дохтуровымъ въ подмогу казаки и Венгры отбили у непріятеля охоту гнаться далѣе, и при лунномъ свѣтѣ, проглянувшемъ на короткое время изъ-за тучъ, мы распрощались съ Французами.

Такъ Наполеонъ, вопреки всѣмъ его усиліямъ, не могъ овладѣть колонной Дохтурова; она отбилась отъ многочисленнаго непріятеля, къ чести русскаго оружія, со славою. Тутъ-то, выслушавъ донесеніе, что Дохтуровъ уже далеко впѣ опасности, Наполеонъ сказалъ своимъ маршаламъ: «Будь это Австрійцы, не уйтибъ имъ нашихъ рукъ; но русскій солдатъ созданъ для побѣдъ, умѣй только его водить», и очень былъ недоволенъ, что ни одинъ изъ первенствующихъ нашихъ генераловъ не попалъ къ нему въ руки; онъ приписывалъ это нерасторопности отрядныхъ начальниковъ, посланныхъ въ погоню. Храбрый полковникъ Монахтинъ, уже пользовавшійся извѣстностью въ арміи, былъ взятъ въ плѣнъ, въ центрѣ, при первомъ напорѣ Сульта на колонну Милорадовича; но и того казаки скоро отбили у Французовъ. Монахтинъ велъ впереди колонны два баталіона Новгородскаго Полка

Дмитрій Сергѣевичъ, пріостановивъ въ подмогу намъ небольшой отрядъ Венгровъ и казаковъ, слѣдовалъ далѣе, изъ опасенія, чтобъ непріятель не отрѣзалъ ему пути для соединенія съ Кутузовымъ.

(*) Генералъ Левизъ, дѣйствовавшій за Тельницомъ, подошедъ къ болотамъ, и остановясь у ближайшей деревни, просилъ жителей провести отрядъ его черезъ топи. Однако убѣжденія русскаго генерала были тщетны: никто изъ нихъ не соглашался, какъ появились сосѣдственные три рыбака, и добровольно изъявили на то желаніе. Приступили къ дѣлу: вдругъ находившіеся подъ начальствомъ Левиза три баталіона Австрійцевъ отказались идти за нимъ: «Не хотимъ топиться и пачкаться въ грязи» кричали они. Напрасно уговаривали непокорныхъ; изъ нихъ послѣдовали за нашими только 5 офицеровъ и одинъ баталіонный командиръ, увлекшій за собой человѣкъ до 40 рядовыхъ.

отдѣленіями; вдругъ изъ-за бугра, на самомъ близкомъ разстояніи, показались непріятельскія войска. Монахтинъ командуетъ: *во фронтъ, ранцы долой!*; но въ ту минуту, какъ солдаты, наклонясь, снимали ранцы, Французы дали мѣткій залпъ, и въ рядахъ поднялись люди только черезъ два и три человѣка. Всѣ усилія Монахтина удержать разстрѣлянный фронтъ были тщетны: оба баталіона рванулись назадъ, не внимая командѣ неустрашимаго полковника, и онъ въ отчаяніи, не сходя съ мѣста, держа шпагу на отбой, схваченъ Французами въ виду Милорадовича и самого Государя. То былъ единственный случай, когда русскій солдатъ сразу подался назадъ; бываютъ минуты затмѣнія и у безстрашныхъ. Этотъ же самый полкъ, за Аустерлицъ лишённый производства, темляковъ и пуговицъ, дѣйствовалъ впослѣдствіи, въ войну противъ Турокъ, съ удивительной неустрашимостью, чѣмъ и заслужилъ вновь милости Царя и уваженіе арміи.

Мы провели ночь безъ огней, въ печали и неизвѣстности. Отъ времени до времени къ намъ примыкали шайки людей изъ полковъ центральныхъ колоннъ; но о направленіи главной арміи никто не могъ дать никакого свѣдѣнія. Партіи Французовъ появлялись иногда внезапно между разсѣянными солдатами: нѣкоторыхъ онѣ пугали; другіе, напротивъ, стращали ихъ. Къ полуночи, небо покрылось густо облаками, темнота, сырость, а наконецъ дождь, увеличивали непріятность нашего положенія; приказано было утроить пикеты и усилить разъѣзды. Легко раненые не отставали; Дохтуровъ велѣлъ выгребовать въ одномъ большомъ селеніи десятка два форшпановъ, и наскоро устроенъ былъ подвижной лазаретъ. На другой день, утромъ, увидѣли партію казаковъ съ главной квартиры, и тутъ-то нашъ колонный начальникъ узналъ отъ нихъ, что Кутузовъ въ Чейчѣ, куда и поворотили. Въ обѣденную пору, войска наши присоединились къ главной арміи. Михайло Ларіоновичъ лично встрѣтилъ Дохтурова и прижалъ героя къ груди. Наше неожиданное появленіе, словно побѣда, обрадовало всю армію. Многіе насъ считали уже погибшими; но Кутузовъ увѣренъ былъ, что Дохтуровъ не положитъ оружія.

Полагаясь на дурныя распоряженія Бейротера, Наполеонъ льстилъ себя надеждою взять въ плѣнъ всю союзную армію, что и объявилъ наканунѣ сраженія своимъ генераламъ, даже солдатамъ, обѣщавшимъ ему подарить ее вмѣсто букета; но тутъ онъ имѣлъ дѣло не съ Австрійцами, а съ Русскими, и предположенія его не оправдались. Наша армія, охраняемая присутствіемъ обожаемаго Государя, спаслась отъ совершенной погибели твердостью своихъ полководцевъ и своимъ собственнымъ мужествомъ. Разъединеніемъ союзныхъ силъ Наполеонъ достигъ желаемой цѣли: нашимъ пришлось сражаться съ

значительной потерею порознь, и въ этой-то именно дробности битвъ заключался его секретъ, доставившій ему побѣду.

На другой день послѣ битвы, Кутузовъ на привалѣ подъѣхалъ къ разложеннымъ огнямъ; ѣздовой, какъ обыкновенно, приготовилъ ему скамейку; онъ сѣлъ и осмотрѣлся кругомъ; разныхъ полковъ офицеры столпились подлѣ него съ любопытствомъ. Онъ посмотрѣлъ на часы, и, помедля немного, сказалъ: «Господа, вы молоды, еще успѣете отплатить Французамъ; но я старъ, и, Богъ вѣсть, доведется-ли мнѣ р.товать противъ нихъ, а поношеніе за Аустерницъ падетъ на меня невинно... Вмѣшательство Цесарцевъ превратило все дѣло въ гущу.» Лице его было мрачно; онъ замолчалъ, грѣя руки и потирая ихъ надъ огнемъ. Скоро доложили, что непріятель сближается, и онъ приказалъ подать лошадь (*).

При отступленіи къ границамъ Венгріи, 21-го и 22-го Ноября, множество нашихъ солдатъ разбрелись по сторонамъ, пользуясь изобилiемъ виноградныхъ винъ, предались пьянству, не могли слѣдовать за арміею, и полусонные были захвачены Французами: такъ, и только такъ увеличилось у непріятеля число плѣнныхъ; на полѣ сраженія, кромѣ злополучной колонны Прибышевскаго, Французамъ не удавалось брать Русскихъ въ плѣнъ. Самъ Наполеонъ назвалъ противоборство Россіянъ подъ Аустерлицомъ—*богатырскимъ*.

Другая причина, по которой оставили знамена многіе изъ нижнихъ чиновъ, была—прельстительныя убѣжденія моравскихъ жителей, или лучше самыхъ Моравокъ. Меня тоже упрашивали бросить опасное ремесло воина и навсегда остаться въ одномъ семействѣ; но когда я объяснилъ имъ, что безчестно и для простыхъ кидать свое родное знамя, тѣмъ непростительнѣе для русскаго дворянина, онѣ дивились моему дворянскому званію подъ солдатскимъ мундиромъ, не вѣрили, и приводили въ примѣръ своихъ эдельмановъ, поступающихъ на службу

(*) У семи нянекъ дитя безъ глазъ,—говоритъ русская пословица. Пока Кутузовъ былъ полнымъ распорядителемъ похода, дѣла шли превосходно: то доказалъ онъ и въ послѣднюю войну его съ Турками, и въ 1812 году. Полумѣры довѣрія всегда вредны, что подтверждаютъ многіе примѣры давнопрошедшихъ временъ и близкаго къ намъ.

Въ первую войну Наполеона въ Италіи, по взятіи Милана, зависть, наконецъ, догнала его. Подъ оболочкой солдата, письма Бонапарте отзывались государственными видами, и въ Директоріи возникли опасенія; она страшилась, чтобъ побѣдитель не присвоилъ себѣ распоряженія судьбами Италіи, и готова была дать ему въ помощники генерала Келлермана. Бонапарте узнаетъ о томъ и пишетъ: «Присоединить Келлермана ко мнѣ значитъ все потерять. Я не могу охотно служить съ человѣкомъ, который считаетъ себя лучшимъ тактикомъ въ Европѣ: притомъ, я полагаю, что одинъ посредственный генералъ лучше двухъ хорошихъ. Война, какъ и управленіе, есть дѣло такта.»

прямо офицерами. На это я замѣтилъ, что по сей-то причинѣ большая часть изъ нихъ слабо знаютъ свое дѣло, и Французъ безъ труда беретъ верхъ надъ ними. Тѣмъ пресѣклись убѣжденія, и замолкнувшія чаровницы только покачивали красивыми головками.

Въ первую ночь послѣ сраженія, на третьемъ привалѣ (*), у большаго лѣса, я, забравшись въ кусты, предался глубокому сну. Спасибо, однако, спасительницѣ мокрой погодѣ: я прозябъ, и, пробудясь, пришелъ въ смятеніе, не слыша человѣческаго голоса и не видя ни одной души; дождикъ все еще падалъ, и темнота была страшная. О направленіи, по которому тронулась колонна, я никакъ не могъ догадаться, и рѣшился идти наудачу прямо, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, такъ чтобъ непріятель всегда оставался въ тылу. Проворно, опрометью, съ перевязанною отъ раны головой, углубился я въ чащу, и болѣе двухъ часовъ пробирался на-прямикъ, не зная навѣрное, хорошо-ли бреду за своими. Начало сѣрѣть: стало быть, близко къ свѣту, подумалъ я, и вышелъ на поляну. Черезъ нее, по лѣву руку, тянулась, по примѣтамъ, большая дорога, по бокамъ обсаженная деревьями; на ней-то вдругъ раздались конскій топотъ и бряканье присматриваясь и разслушивая, нельзя было понять, свои-ли то разъѣзды или непріятельскіе, приходилось же идти по одному направленію, держась параллельно большой дорогѣ. Такъ дошелъ я прямикомъ до огородовъ, обнесенныхъ глубокими рвами, и, перебравшись, не безъ труда, очутился посреди фруктовыхъ садовъ. Обрадованный, что перестало дождить и близокъ къ жилью, озираюсь по сторонамъ, и вижу промежъ деревъ, тамъ и сямъ, какъ бы отблески бѣлизны, въ родѣ небольшихъ лужекъ: къ одной изъ нихъ я подкрался, и въ какое пришелъ изумленье, когда вся эта бѣловатая пелена взволновалась и съ шелестомъ стала удаляться. Подхожу къ другой, къ третьей бѣлизнѣ, то же дѣйствіе; это привело меня въ тупикъ; мнѣ показалось, что я обмороченъ: однако, ободрясь, начинаю наступать смѣлѣе, и настигаю одно изъ этихъ таинственныхъ скопищъ. Новое изумленіе!— все это женщины, закутанные въ бѣлыя покрывала; онѣ бросили свои домы, и въ садахъ пережидаютъ пока наши войска выберутся изъ ихъ жилищъ. Это объяснила мнѣ одна изъ старыхъ Моравокъ, съ трудомъ передвигавшая ноги за летучими гуртами молодежи; она-то сказала мнѣ, что здѣсь большое мѣстечко — *Чейчъ*, наполненное Русскими. Начало свѣтать, и я, успокоенный, что наткнулъ своихъ, сталъ уговаривать старуху и ея семейство, чтобъ не боялись Русскихъ и вернулись въ свой домъ, прося позволенія, чтобы дали у себя и мнѣ отогрѣться. Военное краснорѣчіе мое какъ-то ихъ убѣдило, и онѣ пове-

(*) Привалы дѣлали короткіе, но частые, потому что грязь была за колѣна.

ли меня въ свое жилище; глядя на нихъ, за нами послѣдовали и другія семейства. Съ четверть часа прошло пока мы выбрались изъ дремучихъ садовъ и вошли во дворъ. Шумъ, гамъ, крикъ были радостными вѣстниками нашей *россійской братіи!*—Отогрѣвшись и поблагодаря добрыхъ хозяевъ, я пошелъ отыскивать свой полкъ. Болѣе часа дѣлалъ розыски, но не было и слуху о нашей колоннѣ: узналъ однако, что здѣсь главнокомандующій съ Гвардіею и войсками центральныхъ колоннъ. Возвратясь къ моимъ милымъ хозяйкамъ, я провелъ съ ними еще часа два, какъ пронесся слухъ, что *Дохтуровцы* (такъ называли насъ солдаты другихъ колоннъ) уже подходятъ къ Чейчу, и Кутузовъ выѣхалъ ихъ встрѣчать. Спустя часъ, я примкнулъ къ своимъ гренадерамъ, очень обрадованнымъ, что не попалъ въ руки Французовъ, съ обернутымъ на груди знаменемъ подъ шинелью. Гренадеръ Степановъ, второй съ праваго фланга, порядкомъ журилъ меня *за сонь*, говоря: «Хотите уснуть, не прячьтесь межъ кусты—спите среди насъ. Васъ разбудилъ бѣлый Ангелъ въ видѣ непастья, а то пропалибъ: кромѣ непріятеля, и звѣрь могъ заѣсть. Мало-ли нашего брата въ эту ночь затерялось!... Многіе, такъ, безъ намѣренія, отшатнулись и запропастили себя: другой ужъ уснулъ на вѣки, его ничто не разбудитъ!...» Отповѣдь Степанова служила мнѣ во всѣ походы самымъ благодѣтельнымъ урокомъ; въ подобныхъ случаяхъ, для молодыхъ дворянъ, и вообще новиковъ, лучшіе Менторы—старые, опытные солдаты. Однажды, Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ, осматривая рогныя артели, сказалъ солдатамъ, указывая на насъ: «*Берегите этихъ дѣтей!*»

На второмъ переходѣ, я уже находился между ранеными; наша партія, не попавъ по слѣдамъ арміи, тянулась нѣсколько правѣе черезъ поля и виноградники. Скоро мы наткнулись на странное зрѣлище; множество солдатъ разнаго оружія, отдѣлившіеся отъ фронта, выходили гурьбой изъ ограбленной имъ деревни, расположенной въ неглубокой впадинѣ, и поднимались по пригору, растягиваясь постепенно въ разсыпную линію. Поразительная пестрота этихъ бродягъ привлекла мое вниманіе: они шли съ шумомъ и пѣснями; тутъ видны были и Русскіе, и Австрійцы, и Пандуры, и Кроаты; нѣкоторые ѣхали въ награбленныхъ форшпанахъ, набитыхъ всякой всячиною; другіе, верхомъ на быкахъ и коровахъ, по два и по три почти на каждомъ животномъ; иные гнали передъ собою свиней, барановъ или гусей съ обрѣзанными крыльями. Слѣдомъ за ними, поодаль, брели собаки и кошки; лишась сперва скрывшихся своихъ хозяевъ, а наконецъ и всего что привлекало ихъ къ дому, бѣдныя эти животныя шли за своими новыми повелителями, ожидая ласковой подачки и крохъ. Невольно подумалъ я, смотря на эту сцену, какъ легко солдату выйти изъ порядка. Вся эта безобразная масса, принявъ

вправо, расползлась еще болѣе широкою цѣпью, гдѣ гуще, гдѣ рѣже, и издали имѣла видъ большаго отряда, такъ что непріятель не могъ бы сразу догадаться, что это вѣрная для него добыча. Къ счастью, глубокіе ручьи мѣшали имъ слишкомъ удалиться въ сторону и заставляли безотчетно слѣдовать по одной линіи съ арміею: иначе, они скоро очутились бы въ окрестностяхъ Аусница и попали бы въ руки Французамъ.

Партія раненыхъ приняла отъ деревни влѣво, и скоро присоединилась къ арміи. Дорога была ужасная; въ два послѣдніе дня оттепель растворила землю, словно въ весеннюю пору, и поля походили на топи. Скоро войска наши остановились для ночлега; подъ вечеръ послышались пушечные выстрѣлы съ той стороны, куда потянулась ватага нашихъ опьянѣлыхъ бродягъ. Передовые отряды французскаго авангарда настигли ихъ въ обширномъ селеніи, гдѣ они съ безпечностью расположились отдыхать и бражничать. При первомъ появленіи непріятеля, большая часть бродягъ разбѣжались; осталось однако до двухъ тысячъ Русскихъ, къ которымъ присоединилась порядочная шайка Кроатовъ и Пандуровъ. Общая опасность и мщеніе за товарищей, взятыхъ въ пьянствѣ, пробудили въ нихъ отчаянную смѣлость; завязавъ входъ въ деревню возами и разнымъ хламомъ, они засѣли за этой преградой и домовыми плетнями, и завязали жаркую перестрѣлку. Послѣ получасоваго сопротивленія, непріятель ворвался въ улицу: тутъ они сцѣпились въ рукопашную и стрѣляли Французовъ изъ оконъ и крышъ. Такъ продолжалось болѣе часа. Багратіонъ, находившійся невдалекѣ, послалъ къ нимъ на выручку нѣсколько легкихъ орудій, сотню казаковъ и три эскадрона гусаръ; Французовъ дружно оттѣснили назадъ, и тутъ-то узнали они, что съ пьянымъ русскимъ солдатомъ, пока онъ еще на ногахъ, опасно связываться.

22-го Ноября, войска готовились вступить въ предѣлы Венгріи; тутъ Его Высочеству Константину Павловичу доложили, что за версту въ сторону, въ одномъ большомъ селеніи, собралось множество нашихъ мародеровъ; тѣснимые непріятелемъ, они столпились въ тупой уголъ; болотистая мѣстность съ лѣвой стороны не позволяла имъ ширяться, а справа шла армія; примыкать же къ своимъ полкамъ у нихъ не было охоты. Цесаревичъ, потребовавъ изъ ближайшихъ полковъ десятка два унтеръ-офицеровъ и полсотни донцовъ, поскакалъ къ сборищу. Бродяги не ожидали такого посѣщенія. На голосъ Великаго Князя—*выходи вонъ!—стрѣляю!* все зашевелилось, и начали вылезать съ добычею, кто въ дверь, кто въ окно, а нѣкоторые изъподъ крышъ и погребовъ. Улица была широкая, и приказано строить ихъ тамъ же въ шеренги. Въ присутствіи самого Великаго Князя огромный Малороссійскаго Полка правофланговый гренадеръ завязъ въ

дверяхъ и задержалъ товарищей сзади: на спинѣ у него была клѣтка, полная живыхъ гусей и куръ, по бокамъ мѣшки, набитые разной снѣдью, а на груди висѣлъ свѣжо заколотый дорогой меринокъ. Константинъ Павловичъ спросилъ его съ досадою, но едва удерживаясь отъ смѣха: «Куда ты, жадная душа, набралъ столько?»—«На цѣлую артель, Ваше Императорское Высочество», отвѣчалъ гренадеръ, вымачканый весь въ муку, и оглушаемый гусинымъ и куринымъ крикомъ. Цѣлый часъ занимались построеніемъ мародеровъ, числомъ безъ малаго до трехъ тысячъ. Великій Князь приказалъ поставить замѣчательнаго гренадера на правомъ флангѣ, и началъ равнять фронтъ; но изъ-за него нельзя было ничего видѣть. Константинъ Павловичъ кричалъ: «осади назадъ урода, и выровнять фронтъ по его барану»... Но и тутъ встрѣтилось неудобство; своей клѣткой онъ попятилъ обѣ заднія шеренги; тогда Цесаревичъ велѣлъ ему выйти вонъ изъ фронта, отрывисто сказавъ: «ступай впереди вмѣсто тамбуръ-мажора».

Армія становилась въ ружье, когда подошли съ этими промышленниками. Вслѣдъ затѣмъ причалили къ арміи и остатки бродягъ съ правой стороны; они были собраны казачьимъ Полковникомъ Исаевымъ, по приказанію главнокомандующаго.

25-го Ноября, миновавъ на маршѣ Гадячъ, мы прошли множество мостовъ, мостиковъ и гатей, которые вслѣдъ за аріергардомъ приказано ломать, и, достигнувъ Галича, сдѣлали привалъ подъ самыми его стѣнами. Томясь жестоко голодомъ, я отпросился въ городъ, съ намѣреніемъ купить что-нибудь съѣстное; но пустота города меня поразила на первомъ шагу; устрашенные жители частію разбѣжались, частію попрятались, и всѣ лавки были заперты. Въ раздумьѣ, я углубился въ предмѣстье: постройки Венгровъ, въ родѣ малороссійскихъ домиковъ, чисты, опрятны; я зашелъ въ одинъ изъ нихъ. Два Венгра за небольшимъ столомъ играли въ шашки, не обращая вниманія ни на шумъ и говоръ Русскихъ на улицахъ, ни на мой входъ. Нѣсколько минутъ я простоялъ молча, дивясь ихъ спокойствію и любуясь ихъ воинственной одеждою, напоминавшею гусарскій мундиръ. Можно было замѣтить, что Венгры не похожи на Нѣмцовъ, съ ними не сладишь нахрапомъ; они не станутъ угощать непріятеля, и на этотъ разъ готовились принять Французовъ въ дубье, по примѣру Москвичей. Для Наполеона былобъ невыгодно вести войну въ предѣлахъ народа, гдѣ каждый поселянинъ—солдатъ отъ колыбели, и не дорожитъ имуществомъ и жизнію для защиты своей независимости. Съ этою мыслію, я, наконецъ, подошелъ ближе къ незнакомцамъ, и, показывая деньги, вѣжливо спросилъ хлѣба. Кажется, ихъ тронула моя молодость и тощій видъ; одинъ изъ нихъ, конечно хозяинъ дома, обратился ко мнѣ ласково, и, давъ замѣтить движеніемъ руки, что

деньги не нужны, сперва просилъ сѣсть, потомъ, вынувъ изъ своихъ чикчиръ плоскую фляжку, хлѣбнулъ глотокъ, и, поклонясь, подалъ мнѣ: я послѣдовалъ ихъ обычаю. Пока продолжалась церемонія, другой Венгръ, молча, осматривалъ меня съ головы до ногъ, и, кажется, съ большимъ соболѣзнованіемъ. Хозяинъ вышелъ и скоро вернулся съ хлѣбомъ и кускомъ жаренаго гуся: потомъ принесъ бутылку туземнаго винограднаго вина. Вторично я предлагалъ деньги; но честный Венгерецъ, дружески потрепавъ меня по плечу, не взялъ монеты.

Обычай носить въ карманѣ плоскую фляжку съ водкой, кажется, общій между Венграми: въ разговорѣ или за дѣломъ, они вынимаютъ изъ кармана эту фляжку и отвѣдываютъ изъ ней точно такъ, какъ другіе нюхаютъ табакъ; это у нихъ шпора для воображенія непредосудительная, и водку предлагаютъ другимъ такъ точно, какъ у насъ табакерку, сигару или трубку.

Когда я оставилъ дружелюбныхъ Венгровъ, армія проходила Галичъ, и, не доходя до Сепницъ за версту, располагалась биваками на обширной равнинѣ. Тутъ много было толковъ въ рядахъ русскаго войска, и никто не ожидалъ еще близкаго конца кампаніи и возвращенія въ отечество. Людямъ сказано было чистить ружья и роздали полный комплектъ патроновъ; но вслѣдъ затѣмъ чищеніе отмѣнили и приказали только оправить у ружей курки. Дошла вѣсть, что Французы пробираются болотами, и велѣно быть въ готовности.

Передъ нами тянулись на необозримое пространство непроходимыя болота; вправо чернѣлись отроги Карпатскихъ Горъ, а влѣво разстилалась пространная гладь; на горизонтѣ высился Галичъ съ примыкающими къ нему съ обѣихъ сторонъ бездонными топями; тамъ же, въ Галичѣ, учреждена была и квартира для нашего Государя.

Подъ вечеръ того же дня, появился изъ Сепницъ небольшой транспортъ съ хлѣбомъ: венгерское правительство, изъ опасенія, чтобъ не разграбили окольныхъ мѣстъ, спѣшило доказать свою готовность въ доставкѣ продовольствія.

24-го Ноября присоединился къ намъ корпусъ Эссена, и обрадованная армія, усиленная свѣжими войсками, готовилась къ новымъ битвамъ. Но черезъ день, 26-го Ноября, совсѣмъ неожиданно, Императоръ Александръ простился съ нами и уѣхалъ въ Петербургъ. Сцена разлуки Царя съ войсками была трогательная. Пространная площадь Галича, примыкавшая къ квартирѣ Императора, вся была затѣснѣна русскими солдатами; прослышавъ о Его отъѣздѣ, они сами, по собственному влеченію, прибѣжали изъ лагеря и набрались туда биткомъ. У подъѣзда, противъ балкона, стояла дорожная коляска, а позади фуры съ Царскими съѣстными запасами. Государь шесть разъ показывался на балконѣ, и наконецъ сказалъ, раскланиваясь: «*Прощай-*

те, люди, мы скоро увидимся...», и пожеланія счастливаго пути зашумѣли со всѣхъ сторонъ. Вслѣдъ затѣмъ Государь сошелъ внизъ, и, садясь въ экипажъ, два раза повторилъ: «Съѣстные запасы изъ фуръ отдать солдатамъ». Еще не успѣлъ скрыться Царскій экипажъ, какъ подаренные запасы были уже разобраны на расхватъ: я стоялъ отъ штурмуемыхъ фуръ на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, какъ у ногъ моихъ упалъ кружекъ голландскаго сыру, на сторону выбрасываемый солдатами; и я схватилъ его, какъ Евреи въ пустынѣ небесную манну. Возвращаясь въ лагерь, я замѣтилъ у многихъ слезы на глазахъ. Тутъ-то узнали, что Императоръ Францъ примирился съ Наполеономъ (*), и что завтра армія выступаетъ въ обратный походъ. Въ душѣ зародилось безотчетное сожалѣніе: мысль, что разстаемся съ врагами, не отплатя имъ, отражалась на лицѣ каждаго воина. «Мало порадовали мы тебя, Батюшка нашъ, Государь!—раздавались голоса въ толпѣ. Не къ добру, вишь, связали насъ съ этой Нѣмчурой; безъ этихъ брудеровъ дѣло-то обошлось бы вѣрнѣе». Въ самомъ лагерѣ, офицеры говорили промежъ себя, что Государь нашъ не доволенъ австрійскимъ примиреніемъ: приводили Его слова Князю Долгорукову, «что Аустерлицъ еще не конецъ тяжбы съ Наполеономъ». Разсказывали, какъ этотъ самый Князь Долгоруковъ, посланный для переговоровъ еще до сраженія, на вопросъ Наполеона: *какъ ближе пройти на Петербургъ?* отвѣчалъ гордо: *черезъ Полтаву!* Такой отвѣтъ пріятно вздымалъ русскую грудь.

Вечеромъ отданъ былъ приказъ о возвращеніи въ Россію; но въ лагерѣ, вмѣсто радости, царствовало уныніе; для насъ какъ-то непріятно было возвратиться въ отечество съ такимъ печальнымъ окончаніемъ многотруднаго похода. Доставленный Венграми хлѣбъ, мясная и винная порція оживили нѣсколько нашъ бивакъ; однако Галичъ сдѣлался послѣднею жертвой войны. По отъѣздѣ Государя, многіе богатые домы, оставшіеся безъ хозяевъ, совершенно были опустошены; я видѣлъ самъ,

(*) Послѣ битвы, совѣтники Императора Франца до того перетрусили, что рѣшили предложить Наполеону миръ безусловный. 21-го Ноября, князь Лихтенштейнъ посланъ былъ въ лагерь Наполеона. Побѣдитель соглашался принять миръ, но просилъ, чтобъ, для скорѣйшаго окончанія переговоровъ, Императоръ Францъ пожаловалъ на личное свиданіе. Завоевателю, вѣроятно, хотѣлось видѣть побѣжденнаго монарха среди своихъ побѣдоносныхъ фалангъ. Свиданіе послѣдовало Ноября 22-го, близъ мельницы, на берегу Литавы, невдалекѣ отъ большой дороги. «Государь, сказалъ Наполеонъ, выходя на встрѣчу Францу II-му, я принимаю васъ въ единственномъ дворцѣ, гдѣ живу уже два мѣсяца».—«Вы умѣли такъ хорошо воспользоваться вашимъ жилищемъ, что оно вамъ должно нравиться», отвѣчалъ Францъ. При непреклонности на миръ Императора Александра, мирились отдѣльно. Однимъ изъ условій было положено, что русскія войска удалятся изъ австрійскихъ владѣній въ теченіе мѣсяца, и вооруженія Австріи прекращаются.

какъ казаки разрѣзывали пуховики, отыскивая, нѣтъ-ли чего въ нихъ запрятаннаг ; эту операцію производили на дворахъ, и вѣтеръ раздувалъ пухъ, какъ густой снѣгъ во время мятели.

Рано утромъ 27-го, мы тронулись въ путь на Кашау, и, что замѣчательно, безъ барабаннаго боя и безъ пѣсней. Жители обоего пола стояли по сторонамъ дороги съ угрюмымъ видомъ, и ни одна изъ Венгерокъ не подарила насъ умильнымъ взглядомъ. Не прежде какъ на третьемъ переходѣ приказали разрядить орудія и ружья: всякая опасность миновалась и нами овладѣло чувство мирное; разряжая ружья, солдаты, вынимая пулю, приговаривали: «Не удалось голубушкѣ пощупать ребра Французу; приберечь же тебя до другаго раза».

По пути, наши забѣгали въ придорожные хутора и деревни, чтобъ отвѣдать у Венгровъ хлѣба-соли. Опрятныя жилища ихъ большею частію раскиданы по оврагамъ, въ закутѣ. Въ первые дни расположенія по квартирамъ, мы съ трудомъ переносили комнатный воздухъ: намъ какъ-то было не по себѣ: кто жаловался на круженіе головы, кто на тяжесть въ груди, кто чувствовалъ какую-то въ тѣлѣ неловкость, и всѣ рвались на свѣжій воздухъ. Бивачная жизнь совершенно раззнакомила насъ съ житьемъ подъ кровлею. Русскихъ, однако, вездѣ принимали по-пріятельски, безъ опасеній. Венгры характера твердаго, правдивы, но привѣтливости германскихъ народовъ не ищите между ними. Женщины ихъ также не похожи на милыхъ Моравокъ и красивыхъ Нѣмочекъ: стройныя, мужественныя, съ строгимъ взглядомъ, онѣ смотрятъ амазонками; въ осанкѣ ихъ и пріемахъ есть что-то воинственное, а въ выраженіи лица нѣтъ и тѣни той мягкости, какъ у Нѣмокъ: напротивъ, проглядываютъ молодецкая отвага, самовластіе и увѣренность въ себѣ, какъ бы говорящая окружающимъ: *не тронь меня!* Въ движеніяхъ и обращеніи Венгерокъ вовсе нѣтъ жеманства, но и нѣтъ обворожительной роскоши германскихъ обитательницъ; главное у нихъ преимущество надъ послѣдними—сложеніе и поступь, которыя, впрочемъ, для глазъ то же, что хорошій бюстъ безъ жизни. Наиболѣе магнитизма усвоено природою Нѣмкамъ: этимъ обязаны онѣ своему счастливому климату, лучшему во всемъ мірѣ. Въ другихъ странахъ Европы, выше къ сѣверу и ниже на юго-западъ, эти *растенія*, если можно такъ выразиться, при всемъ блескѣ и красотѣ, уступаютъ нѣсколько прекраснымъ жительницамъ Германіи. Востокъ же и югъ еще менѣе представляютъ условій счастія, которыхъ такъ заботливо ищутъ люди—*въ женщинѣ*.

Весело, наконецъ, совершали мы свой обратный походъ: мысль, что скоро увидимъ родной край, смягчила негодованіе на аустерлицкую неудачу, и, подобно игроку, каждый ласкалъ себя надеждой отыграться впослѣдствіи. Чѣмъ болѣе углублялись въ Венгрію, тѣмъ гористѣе

становилась мѣстность: вдругъ мы очутились на самой вершинѣ хребта Карпатскихъ Горъ. Полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, но и теперь еще живо рисуются въ моей памяти венгерскія выси! Сколько труда было взойти на нихъ, а еще болѣе спускаться съ ихъ утесистыхъ вершинъ! Орудія, лошадей и прочія тяжести спускали на веревкахъ (*). Люди, отомкнувъ у ружья штыкъ и подобравъ шпиль, спускались внизъ какъ съ зимнихъ петербургскихъ горъ; генераловъ и прочихъ офицеровъ, кто поважнѣе, спускали на лубкѣ; но заниматься этой продѣлкой для каждаго офицера не доставало ни спастей, ни времени: да о такой пѣгѣ никто и не думалъ тогда. Встрѣчались горы такія, что одна заключала въ себѣ цѣлый переходъ: верстъ семь поднимались на высоту, и столько же приходилось спускаться по такой отлогости, а видѣ словно въ яму. По сторонамъ попадались стремнистыя пропасти такія, что при взглядѣ внизъ въ головѣ кружилось: нѣкоторыя казались бездонными. При одномъ спускѣ, который висѣлъ надъ самой деревней, назначенной для ночлега, казалось, что мы прямо скатимся на крыши нашихъ квартиръ.

Чтобъ облегчить мнѣ трудности похода, меня назначили квартиргеромъ. Но черезъ нѣсколько дней я заболѣлъ и былъ отправленъ въ подвижной лазаретъ. Въ нашей арміи распространилась тогда лютая зараза, похитившая много людей. По неимѣнію лазаретныхъ каретъ, оставшихся у праценскихъ высотъ, для больныхъ брали воловьи подводы отъ жителей, по мѣрѣ надобности. Дня два я еще былъ въ памяти и могъ замѣтить порядокъ этого, можно сказать, *погребальнаго поѣзда*. Достигнувъ ночлега, больныхъ снимали съ возовъ и вносили въ избы, назначенныя для лазарета, гдѣ клали на солому: умершихъ же въ пути покидали на возахъ. На разсвѣтѣ та же забота: живыхъ перекладывали на телеги, а кончившихся въ ночь оставляли для погребенія попеченію мѣстныхъ начальствъ. Во время ѣзды, мучительная боль отъ тряски исторгала у страждущихъ безпрерывные стоны: помню живо эти терзанія. На третій день я лишился чувствъ и очнулся уже въ Кошау. Съ удивленіемъ я увидѣлъ себя въ хорошей комнатѣ, на опрятной кровати и въ чистомъ бѣльѣ; при мнѣ была особая прислуга, и мнѣ подавали здоровую пищу; но еще я не могъ ѣсть. Весь день этотъ я не въ силахъ былъ проговорить ни слова: видѣлъ, однако, приходившаго ко мнѣ полковаго штабъ-доктора и фельдшеровъ, усердно кружившихся около стоявшаго подлѣ моей

(*) По словамъ участвовавшихъ въ знаменитой венгерской кампаніи, въ 1848 году, дороги черезъ Карпатскій Хребетъ теперь проложены съ большимъ удобствомъ для проѣзда. Вѣроятно, найдены пути новые и обойдены тѣ чудовищныя громады горъ, черезъ которыя мы перебирались съ такимъ трудомъ и такимъ порывомъ, чтобъ только скорѣе добраться до родимой Россіи.

постели столика, покрытаго разными сытными яствами и бутылками токайскаго вина. На другой день узналъ я, что спасителемъ моимъ былъ незабвенный Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ: ему доложилъ о постигшей меня участи родной его племянникъ, благородный товарищъ мой, портупей-прапорщикъ Николай Михайловичъ Дохтуровъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ). По приказанію Дмитрія Сергѣевича, отрыли меня съ большими хлопотами между трудно-больными, и еслибъ не найденъ былъ на моей шеѣ эмалевый образокъ, съ изображеніемъ нерукотвореннаго лика Спасителя—благословеніе матери, по которому я и признанъ моими товарищами, то, вѣроятно, нынѣ не пришлось бы бесѣдовать объ этихъ событіяхъ.—Ранецъ мой съ бѣльемъ и разными вещицами пропалъ безъ вѣсти; благодаря, однако, неистощимой благотворительности нашего генерала, я ни въ чемъ не нуждался и былъ пользованъ отдѣльно, со всевозможными удобствами, на его собственный счетъ. Наконецъ, я нѣсколько оправился и сталъ просить старшаго врача выписать меня во фронтъ; сперва онъ отказывалъ, но потомъ согласился, и я, какъ угорѣлый, опрометью бросился бѣжать изъ госпиталя, чтобъ поскорѣе примкнуть къ рядамъ храбрыхъ гренадеровъ.

Уже войска оставили далеко назади венгерскія выси и шли равнинами. Солдаты, поглядывая по сторонамъ на разбросанные отроги хребта, посмѣивались, говоря: «Ну, что эти *волдырьки*, попадись хоть и подъ ногу, нестрашны; а вотъ *Презусы*-то (прозвище, данное солдатами исполинамъ Карпата) дались въ память!—И вѣстимо, вторили голоса, куда этимъ прыщамъ до Презусовъ! Ихъ съ пьяна, пожалуй, и перешагнешь: просто *пупыри*, словно нашъ братъ—солдатики передъ енералами!»

На одномъ переходѣ, недалеко уже отъ Галиціи, я отсталъ отъ полка версты на двѣ; вязкій, краснoглинистый грунтъ, разбитый обозами и прохожденіемъ войскъ, утомилъ меня до того, что среди дороги я остановился отдыхать, увязнувъ въ грязи почти по колѣно. Вдругъ появился верхомъ Дохтуровъ, и, увидѣвъ меня, вскричалъ съ удивленіемъ: «Какъ! ты ужъ попалъ во фронтъ?», сталъ журить, и приказалъ взять на свой бричъ, ѣхавшій почти вслѣдъ за нимъ. Того же дня меня отправили въ Лембергъ, гдѣ находилась достойная супруга генерала, сопутствовавшая ему во всѣ походы съ Высочайшаго дозволенія. По прибытіи арміи въ Лембергъ, войска наши отдыхали нѣсколько дней въ этой столицѣ Славянъ, замѣчательной по многимъ отношеніямъ (*).

(*) Кстати упомянуть о моихъ служебныхъ ночныхъ прогулкахъ въ Галиціи и Лодомиріи, также и объ одномъ казусномъ приключеніи и замѣчательномъ обычаѣ тамошнихъ поселянъ. По выступленіи за границу, во время слѣдованія нашего до Тешена, мнѣ почти день въ день доводилось оставаться при глав-

Древности этого города описаны многими; я скажу только, что его жители считаютъ Русскихъ *своими*, и доказали намъ братскую привязанность во все время нашей у нихъ стоянки. Наконецъ, мы прошли и послѣдній австрійскій городъ— Броды, эту новую Палестину, и опять увидѣли свой Радзивиловъ, 26-го Декабря. Уѣздный засѣдатель, стоя на вытяжку, встрѣтилъ насъ у перваго столбца на самомъ рубежѣ. Почти поручь съ нимъ стояло нѣсколько *нищихъ*, и, къ удивленію, на взглядъ прездоровые люди.

Ступая на русскую землю, наши солдаты съ жаромъ бросались на нее, и цѣловали эту мать родную; и я также орошалъ ее слезами радости, благодаря Бога за то, что дозволилъ еще подышать на ней. . . .

ной квартирѣ за приказаніемъ, и, по полученіи *приказа*, въ глухую полночь отыскивать полкъ, расположенный отъ главной квартиры въ пяти или семи верстахъ. Добравшись до полка, и передавъ приказъ вдъютанту, новая забота— найти домъ, занимаемый второю гренадерскою ротою. Огней, въ эту пору, уже нигдѣ не было; но у каждаго дома стояли часовые, и они-то указывали отыскиваемое жилище. Наконецъ, я приходилъ на мѣсто, нерѣдко обмокши и весь въ грязи. Солдаты, улегшіеся рядомъ на соломѣ во всю длину избы, обыкновенно встрѣчали меня криками: «Сюда, сюда, здѣсь ваше мѣсто», и я вполъмахъ съ трудомъ пробирался по ихъ ногамъ, и ложился, не раздѣвшись. Такъ велось на всѣхъ ночлегахъ до Тешена; но самый смѣшной изъ нихъ—первый по выходѣ изъ Бродъ. Едва я ввалился въ избу, и, ощупью улегшись, началъ протягиваться и выправлять руки и ноги, какъ раздался шумъ, точно изъ фонтана, и меня обдало брызгами. Что, что тутъ? вскочивъ, кричалъ я. «Да ничего-съ, говорили солдаты: вотъ видите, у насъ здѣсь въ головахъ коровы на привязяхъ.—Какъ коровы! загорланилъ я, почемужъ не вывели коровъ?— Нельзя-съ: строго приказано не нарушать этого порядка; ужъ таковъ, видите, здѣсь обычай»... Тутъ нечего было храбриться: я умолкъ, и закутавъ голову платкомъ, спалъ безпробудно, пока забили генеральный маршъ. Но вставъ утромъ, до сыта нахохотался, глядя на десятокъ коровъ, чинно на привязяхъ кушающихъ свое мѣсиво и сѣно. Подъ ними подѣланы помосты и возможная чистота. Лицевая сторона избы одна только съ окнами, а насупротивъ стѣна глухая съ большою печью въ углу: остальное же отъ ней пространство все уставлено породистыми коровами. Это забавное, но между тѣмъ полезное скотолюбіе Галичанъ и Лодомирцевъ заставило насъ нѣсколько хитрѣе устроивать наши постели, и мы, до самой Моравіи, на каждомъ ночлегѣ были неразлучны съ этими добрыми животными. Въ Голландіи большой уходъ за коровами; но едва-ли и тамъ держатъ ихъ въ такой холѣ, какъ въ Галиціи и Лодомиріи, гдѣ даже раздѣляютъ съ ними свое жилище и не брезгаютъ повсечаснымъ ихъ присутствіемъ; за то и получаемыя выгоды отъ приплода и дойва весьма у нихъ значительны. Еще замѣчено, что между тамошними жителями рѣдко встрѣчаются страждущіе грудными болѣзнями, а чахоточныхъ вовсе почти и не слышно, что и приписываютъ ихъ тѣсной жизни съ коровами. И такъ, чѣмъ ѣздить многимъ у насъ за тридевять земель—въ Парижъ и Швейцарію, не лучшеб-ли было отправиться въ теплые коровники нашихъ кровныхъ Галичанъ.

Сколько товарищей, сколько друзей не вкусили этого наслажденія! Половина нашихъ соратниковъ легли за Царя и Отечество на чужой землѣ.

Когда всѣ полки нашей колонны перешли за пограничную черту, Дохтуровъ остановилъ ихъ, и, по его приказанію, началось благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Усердно и умилительно молились воины, дыша воздухомъ родины.

Изъ семидесяти юнкеровъ нашего полка, большею частію поступившихъ на службу не задолго до войны, мною описанной, оставалось на лицо едва тридцать человѣкъ. Любезныя имена нѣкоторыхъ изъ моихъ сослуживцевъ, съ которыми я вмѣстѣ дѣлилъ и печали, и радости, останутся въ моей памяти навсегда неизгладимыми; изъ нихъ *Слатинъ*, *Сльпцовъ*, *Зубаревъ*, *Антоновъ*, *Дохтуровъ* были какъ-то ближе къ сердцу. Тогда всѣ мы, равныхъ лѣтъ и званія, ничѣмъ не раздѣляемые, составляли согласіе примѣрное, истинно братское, которому постигшая насъ старость можетъ справедливо позавидовать: по крайней мѣрѣ, на осьмомъ десяткѣ лѣтъ пріятно вспоминать о минувшемъ. Въ эти незабвенные годы, не смотря на всѣ терпія и неудачи, созидалась настоящая слава и величіе Россіи.

Армія наша расположилась по квартирамъ на Волынѣ и въ Подоліи. Отдыхъ продолжался недолго.

Кампанія 1805 года кончилась неблагополучно, хотя вначалѣ все подавало надежду на вѣрный успѣхъ. Всѣ неудачи, начиная съ Ульма, приписывали нѣкоторымъ Австрійцамъ-измѣнникамъ, что подтверждали Австрійцы - патріоты. Извѣстно, что несогласія австрійскаго гофъ-криг̀съ-рата сильно сердили Суворова и были главной причиной негодованія Императора Павла, отказавшагося отъ участія въ коалиціи. То же испыталъ Кутузовъ, и впослѣдствіи самъ Императоръ Александръ въ войну 1813 года, подъ Дрезденомъ, и 1814 года, въ предѣлахъ Франціи. Еслибъ Австрійцы исполняли приказанія главнокомандующаго съ большею точностью, дѣйствовали за одно съ нами усерднѣе (*), и не уступили Французамъ переправы у Штейера на рѣкѣ Энсѣ, то Кутузовъ, уже и на томъ пунктѣ, надолго задержалъ бы Наполеона, и Эрцгерцогъ Карлъ, соединясь съ нами, могъ бы заслонить Вѣну. Тогда завоевателю пришлось бы выдержать генеральную

(*) Изъ всѣхъ австрійскихъ генераловъ: Коловратъ, князь Лихтенштейнъ и славный Кинмейеръ извѣстны были у насъ какъ вожди правдивые, преданные престолу, заслужившіе, своею патріотическою готовностью и неуклончивыми дѣйствіями, благодарность главнокомандующаго и признательность Императора Александра. Безъ сомнѣнія, были у нихъ еще многіе достойные люди, намъ неизвѣстные; но упомянутые мною пользовались въ нашей арміи особою репутаціею.

битву по диспозиціи русскаго вождя, а не по планамъ Вейротера; корпуса Эссена и Буксгевдена имѣли бы довольно времени соединиться съ нами на правомъ берегу Дуная, и, вмѣсто моравскихъ ухабовъ, намъ довелось бы сражаться съ Наполеономъ на равнинахъ Верхней Австріи; Дунай, какъ завѣтная черта, остался бы во власти союзниковъ и лишилъ бы Наполеона многихъ средствъ воевать съ успѣхомъ.

Дѣйствія Русскихъ подъ Кремсомъ и Голлабруномъ подали Наполеону высокое понятіе объ искусствѣ нашего главнокомандующаго; да и вообще наши аріергардныя дѣла до Дуная изумили завоевателя геройскимъ упорствомъ. Аустерлицкую драму нечего приводить въ примѣръ: тутъ нашъ полководецъ игралъ заштатную роль. Винить Кутузова за Аустерлицъ было бы крайне несправедливо; напротивъ, его надо благодарить за то, что онъ спасъ армію. Отступивъ къ Гостіерадеку, Кутузовъ приблизился къ неразстроенной колоннѣ Дохтурова, и этимъ мастерскимъ движеніемъ отнялъ у непріятеля возможность упредить наши войска на пути въ Венгрію. Наполеонъ хорошо понималъ Кутузова и не осмѣлился атаковать его вторично, зная, что послѣ такой облзательной услуги Вейротера, Нѣмцу уже не довелось бы распоряжаться русскими силами. Отступательныя движенія Кутузова были страшны для Французовъ, и Наполеонъ, измѣнивъ своей методѣ— не давать разбитому непріятелю времени собраться съ духомъ, оставилъ Кутузова на самомъ близкомъ разстояніи, не тревожа его болѣе. Причина ясная: онъ видѣлъ и совершенно убѣдился въ самомъ пылу битвы, что одержанная имъ побѣда произошла отъ случая и дурныхъ распоряженій австрійскаго генералъ-квартирмейстера. Всякая новая попытка противъ русскаго полководца была бы ошибкою со стороны Наполеона: во-первыхъ, потому что войска Дохтурова, сохранившія строгій порядокъ, оставались у него въ тылу; во-вторыхъ, русская Гвардія и Князь Багратіонъ находились во флангѣ; свѣжіе же полки Эссена были недалеко; побѣдоносныя колонны французскія могли очутиться между двухъ огней, а этого былобъ довольно, чтобъ побудить Императора Франца медлить перемиріемъ, котораго пламенно желалъ Наполеонъ, еще не совсѣмъ утвердившійся на престолѣ. Замѣтимъ также, что Императоръ Александръ, не смотря на первую неудачу, вовсе не думалъ мириться: это послѣднее извѣстіе пугало завоевателя, хотя онъ и скрывалъ свои опасенія подъ видомъ готовности продолжать войну, и грозялся уничтожить русскую армію. Приближавшіеся Бешпигсенъ и Эрцгерцогъ Карлъ не предвѣщали въ будущемъ ничего хорошаго для Наполеона; въ тылу у него между Эльбой и Везеромъ собирались Англичане и Шведы: даже Пруссія готовилась отторгнуться отъ его союза. И еслибъ Императоръ Францъ послѣдовалъ совѣту нашего Государя и самого Кутузова—*не спѣшить примиреніемъ*, то

нѣтъ сомнѣнія, что завоеватель не рѣшился бы забиваться въ предѣлы Венгріи, или идти въ Галицію, и принужденъ былъ бы самъ принять движеніе отступательное. Сверхъ того, при такомъ оборотѣ войны, Императоръ Александръ, познавъ на дѣлѣ выхваляемое Французомъ искусство его генераловъ, не позволилъ бы имъ вмѣшиваться въ распоряженія русскаго полководца, осторожная медлительность котораго ставила противника въ положеніе затруднительное, даже при самомъ его торжествѣ.

Кутузовъ имѣлъ чудесный даръ разгадывать людей: кромѣ Багратіона и Милорадовича, имена которыхъ уже съ италійской кампаніи сдѣлались народными, явились на сценѣ Витгенштейнъ и Ермоловъ, оправдавшіе выборъ вождя блестящими успѣхами. Такъ Дохтуровъ, назначенный имъ въ дѣло подъ Кремсомъ, увѣнчалъ со славою ожиданія полководца; то же и генералъ Уланіусъ, неоднократно имъ употребляемый, исполнялъ его важныя назначенія съ большимъ достоинствомъ.

Надо было видѣть въ дѣлѣ этихъ избранниковъ Кутузова, какъ охотно они жертвовали собою въ самыхъ опасныхъ случаяхъ! Многочисленность непріятеля только раздражала ихъ храбрость; съ небольшими отрядами они не разъ разсѣвали цѣлыя дивизіи Французовъ. На голосъ такихъ командировъ солдатъ, казалось, вырасталъ аршиномъ выше, и не было врага довольно смѣлаго, чтобъ спокойно выдерживать присутствіе этихъ знаменитыхъ сподвижниковъ славы русской. Къ чести непріятеля, скажемъ также, что во всѣхъ битвахъ, гдѣ Наполеонъ присутствовалъ лично, или кто-либо изъ его громкихъ маршаловъ, Французы рѣдко подавались назадъ и сражались какъ львы; одинъ мракъ ночи разводилъ ратоборцевъ. Отдавая имъ преимущество передъ воинами прочихъ земель, наши гордились, что довелось имѣть дѣло съ такими противниками. Французы, въ свою очередь, всегда оказывали полное уваженіе безстрашію Русскихъ, но до крайности не любили Австрійцевъ. Можемъ вспоминать, не краснѣя, о нашихъ схваткахъ съ войсками Наполеона. Съ обѣихъ сторонъ были неудачи; но, во всякомъ случаѣ, между противниками существовало то глубокое взаимное уваженіе, которымъ отличаются только храбрые.

Частыя столкновенія обратились въ пользу и Французамъ, и Русскимъ: Русскіе позанялись отъ первыхъ ловкостью и приноровились къ скорой и мѣткой ружейной пальбѣ; Французы научились отъ насъ работать штыкомъ. Почти у каждаго плѣннаго Француза мы находили въ ранцѣ крошечную карту театра войны, тогда какъ ее не было даже у нашихъ офицеровъ. Я помню радость умнаго и храбраго генерала Уланіуса, когда, послѣ дирштейнской сѣчи, поднесъ ему одинъ изъ его егерей подобную карту, вынутую изъ французскаго

ранца. Это, конечно, мало помогаетъ храбрости, за то нерѣдко выручаетъ изъ бѣды при разбитіи, или знакомитъ съ мѣстностію въ случаѣ преслѣдованія разстроеннаго противника. Послѣ погрома подъ Аустерлицомъ, многіе наши офицеры и солдаты попали въ плѣнъ отъ незнанія мѣстной топографіи. Обходъ Дохтурова подъ Кремсомъ замедлился также по неимѣнію топографической карты (*), да и многія опасности сошли съ рукъ Французамъ именно потому, что у насъ не было этихъ драгоцѣнныхъ указателей.

Непріятель имѣлъ еще то преимущество, что его ружья были превосходнѣе нашихъ тульскихъ того времени: да и самый порохъ у него былъ отличный, тогда какъ у насъ мало разнился отъ пушечнаго. Стрѣльба Французовъ одинаково трещала въ сухую и въ мокрую погоду; у насъ, напротивъ, при малѣйшей сырости, порохъ дѣлался влаженъ, были вспышки и курки худо отбивали. Пока нашъ солдатъ выстрѣлитъ разъ, Французъ дѣлалъ два и три выстрѣла: бѣглый огонь его былъ необычайно силенъ. Шомполъ у Француза, при батальномъ огнѣ, былъ почти безъ дѣйствія; выпаливъ, онъ тотчасъ взводилъ курокъ и закрывалъ полку; потомъ, скусивъ патронъ, опускалъ его въ дуло, и, не прибивая заряда шомполомъ, ударялъ прикладомъ въ землю и немедленно стрѣлялъ; ударенie наполняло полку порохомъ сквозь затравку. Хорошей доброты порохъ, отличная отдѣлка ружейныхъ замковъ и затравокъ, равно и форма самыхъ патроновъ и пуль безъ оклейки много способствовали проворству Французовъ. Наши солдаты охотно бы мѣняли свои ружья на французскія, которыя во множествѣ валялись на ратномъ полѣ, но, къ сожалѣнію, русской пули не вобьешь въ ихъ дуло. Наше бѣлое оружіе также уступало въ прочности непріятельскимъ палашамъ и саблямъ, кромѣ тульскаго штыка, который какъ будто созданъ единственно для русскаго солдата, и вполнѣ оправдывалъ прозвище *молодца*, данное ему Суворовымъ. Русскій штыкъ постоянно торжествовалъ надъ утлымъ штыкомъ непріятеля. Солдаты, кидаясь на вражескій фронтъ въ рукопашную, кричали товарищамъ: «Дружнѣе! порадуемъ генералисси-

(*) По крайней мѣрѣ, такъ отозвался генералъ-квартирмейстеру Шмиту одинъ изъ сопровождавшихъ его колонновожатыхъ. Когда генералъ спросилъ у него карту, чтобъ провѣрить проводниковъ, туда-ли ведутъ насъ, офицеръ отвѣчалъ, «что второпяхъ забылъ взять портфель, а понадѣясь на вожатыхъ, не счелъ за нужное за нимъ съѣздить обратно». Шмитъ пожалъ плечами и сталъ распоряжаться наобумъ промежъ двухъ пропастей и нѣсколькихъ тропинокъ, идущихъ по разнымъ направленіямъ. Подлѣ Шмита стоялъ Дохтуровъ, съ презрѣніемъ посматривая на колонновожатаго, по виду очень довольнаго своимъ отвѣтомъ; проводники вдали шептались.

муса: *пуля дура, штыкъ молодецъ!»* Что же до русской артиллеріи, то она и тогда уже ни въ чемъ не уступала французской (*).

Чтобъ облегчить солдата въ огнѣ, у насъ обыкновенно приказывали *скидать ранцы*, и часто въ виду врага; но Французы никогда ихъ не снимали, особенно передъ непріятельскимъ дуломъ. Отъ этого именно подъ Аустерлицомъ два мушкетерскихъ баталіона Новгородскаго Полка, открывавшіе шествіе союзнаго центра, смѣшались, ринулись назадъ, и были началомъ величайшаго разстройства всей 4-й колонны, слѣдовавшей, безъ вѣстовыхъ разъѣздовъ, за третьей колонною, полагая себя подъ ея прикрытіемъ. Сколько помню, Д. С. Дохтуровъ одинъ только разъ велѣлъ людямъ снять ранцы, когда онъ посланъ былъ въ обходъ къ Дирштейну; но тутъ мы не были въ виду непріятеля, и могли даже припрятать наши ранцы.

(*) Ружейные боевые патроны у насъ заготовлялись по большой части на досугѣ, во время стоянки на зимнихъ квартирахъ; свертки дѣлали изъ хорошей бѣлой бумаги, насаживали ихъ съ пулями на палку, и, оклеивъ пулю вокругъ, околачивали ее на-крѣпко; потомъ, давъ просохнуть, наполняли патроны порохомъ. Русскія пули были крупнѣе французскихъ. При операціяхъ дознано, что французскія пули вынимались легко, не оставляя въ ранѣ большаго вреда; наши, напротивъ, по извлеченіи, оставляли по себѣ отмокшую клейкость съ бумагой, что и дѣлало рану часто неизлечимою. Наполеонъ, говорятъ, въ войну 1806 и 1807 годовъ имѣлъ переписку съ Императоромъ Александромъ объ уничтоженіи *обклейки* пуль; однако, сколько помню, въ дѣланіи боевыхъ патроновъ не послѣдовало никакой перемѣны. Новѣйшіе западные стратиги, какъ бы въ отмщеніе намъ, придумали теперь коническія пули, тяжеловѣснѣе прежнихъ и смертельнѣе оклеенныхъ. Одинъ изъ севастопольскихъ защитниковъ, поглаживая на ладонѣ коническую пулю, лишившую его правой ноги, примолвилъ: «да, для этой премудрой фабрикаціи еще не отвалились руки и у нашихъ мастеровъ: хоть позднѣе, а поквитаемся тѣмъ же гостинцемъ».

Относительно бѣлаго оружія, замѣчено, что французскіе удары палаша или сабли ложились на людяхъ несравненно слабѣе русскихъ ударовъ: непріятель наносилъ большею частію легкія раны, лишь бы сдѣлать противника на тотъ разъ неспособнымъ для дѣйствія; но удары палаша или сабли нашихъ наѣздниковъ ужасны. Русскій кавалеристъ рубитъ врага со всего размаха, и нерѣдко случалось видѣть, какъ рука или нога, а иногда полголовы валятся подъ русскимъ палашемъ, словно щепа.

Многократный опытъ показалъ, что конный фронтъ, вооруженный пиками, получаетъ тройную силу; драгуны же, напротивъ, какъ-то слабо дѣйствовали; но гусары, за одно съ казаками и уланами, работали превосходно. У Французовъ, когда они бросаются въ атаку, далеко нѣтъ той русской быстроты и живаго натиска, противъ котораго рѣдко устоитъ самый твердый оплотъ, что доказали подъ Аустерлицомъ наши безстрашные латники и всадники Витгенштейна и Уварова.

О ранахъ нашего штыка мы нѣсколько намекали: почти всѣ онѣ крайне опасны, какъ и раны отъ донскихъ пикъ и уланскихъ дротиковъ. Неудивительно, что

Алебарды не мало также затрудняли унтеровъ, людей во фронтѣ самыхъ нужныхъ. Неудобство и безполезность алебардъ замѣтилъ самъ Императоръ, и, по возвращеніи арміи въ Россію, тотчасъ замѣнилъ ихъ ружьями: это усилило ряды каждаго полка ста тридцатью ратниками.

Знаменитое отступленіе Кутузова отъ рѣки Инны особенно замѣчательно тѣмъ, что въ этой боевой школѣ образовались многіе молодые люди, имена которыхъ сдѣлались столь извѣстны и такъ громки въ войну со Шведами и въ нашу Отечественную. Суворовъ, на поляхъ Италіи, Кутузовъ, въ австрійскихъ владѣніяхъ, приготовили Россіи полководцевъ. Съ этой именно кампаніи явились въ русскихъ арміяхъ офицеры практичные, болѣе способные къ жизни боевой. Можно сказать также, что мы много обязаны улучшеніемъ нашихъ войскъ самому Наполеону. Этотъ удивительный человѣкъ далъ всему оборотъ новый, и никто такъ скоро не воспользовался его уроками, какъ Россія, у которой даръ перенимать *полезное* простирается до степени, рѣдко достигаемой другими народами. Наполеонъ, въ свою очередь, позналъ впервые духъ Русскихъ, столько занимавшихъ его въ юности, когда, читая съ жадностію о побѣдахъ Екатерины надъ Турками, онъ предлагалъ французскому правительству свои услуги, чтобъ доставить Портѣ возможность *усовершенствовать ея войска* противъ Русскихъ: онъ словно тогда же предвидѣлъ, что этотъ народъ помѣшаетъ ему овладѣть міромъ.

Надобно же было, чтобъ передъ любимцемъ Беллоны, этимъ геніяльнымъ воителемъ, явился отъ Россіи могучій Кутузовъ. Наслышась довольно чудесъ про быстроту предпріимчиваго Суворова, его, конечно, поражала глубокая осторожность нашего Фабія. Многіе утверждаютъ даже, что Наполеонъ, разсуждая въ Брюннѣ объ отступленіи Кутузова,

---

непріятель всегда норовилъ сколь можно менѣе сближаться съ Русскими, держась отъ нашего фронта, по крайней мѣрѣ, на полружейнаго выстрѣла. Французы стрѣльбою-то и брали верхъ надъ нами; въ мирную стоянку главное занятіе у нихъ день въ день упражняться въ стрѣльбѣ; у насъ, напротивъ, занимались болѣе мильдъ-фрейторствомъ, ружейными пріемами и вытяжкой солдата; стрѣльба въ цѣль была въ рѣдкость, и то какъ бы *для прогулки*, и, не смотря на то, что *въ мѣткой стрѣльбѣ* заключается главное достоинство пѣхотнаго солдата, занятіе это считалось тогда послѣднимъ дѣломъ. Австрійская война открыла, наконецъ, эту ошибку, а прусская 1806—1807 ее подтвердила. Въ войну съ Шведами, русскіе ряды осыпали противника огнемъ нѣсколько живѣе. Съ этого времени введено было, по примѣру Французовъ, чтобъ задняя шеренга во время дѣла только заряжала ружья; но такая передача невсегда шла правильно, и случалось иногда большое замѣшательство. Опытные солдаты всегда были того мнѣнія, что стрѣлять *рѣдко да мѣтко* выгоднѣе, и очень тужили, что наши тогдашнія ружья, даже въ рукахъ самаго искуснаго застрѣльщика, годились только для парада, а не для войны.

сказалъ, что *оно превосходитъ всѣ его побѣды.* Подлинно, наше отступленіе похоже на волшебство (*): на пространствѣ четырехъ-сотъ верстъ отъ Браунау до Ольмюца, Кутузовъ какъ будто дразнилъ завоевателя: то выжидалъ его, то избѣгалъ, то самъ задиралъ и ускользалъ, какъ нѣкое привидѣніе. Наполеонъ полагалъ навѣрное, что не допуститъ нашу армію соединиться съ Буксгевденомъ; однако не только не успѣлъ въ томъ, но еще, при всемъ превосходствѣ численномъ, при всемъ искусствѣ и счастіи, не могъ восторжествовать надъ Кутузовымъ.

Звѣзда Наполеона была бы близка къ затменію и подъ Аустерлицомъ, если бы австрійскіе распорядители не отвергли совѣтовъ нашего проницательнаго вождя. Кутузовъ убѣждалъ ихъ—*не сходить съ высотъ Працена и выждать атаку непріятеля.* Нѣтъ сомнѣнія, что такая выдержка дала бы битвѣ другой оборотъ.

Иванъ Бутовскій.

12-го Января 1857 года. Пронозовка.

(*) Отступленіе Кутузова, сравниваемое многими съ отступленіемъ греческаго полководца Ксенофонта, несравненно болѣе заслуживаетъ удивленія. Ксенофонтъ велъ борьбу съ племенами невѣжественными, полудикими и дальновидному Греку вѣдаться съ ними было легче; Кутузовъ, напротивъ, имѣлъ дѣло съ образованнымъ народомъ, усвоившимъ себѣ всѣ современныя въ военномъ искусствѣ преимущества, и котораго вождемъ былъ Наполеонъ, наполнившій міръ громкими побѣдами. На всемъ пути до Ольмюца, у насъ не было ни одного мародера, ни одного отсталаго; армія снималась съ мѣстъ ночлеговъ, роздыховъ и побоищъ словно одинъ человѣкъ; по мановенію своего вождя, войска двигались, какъ піоны на шахматной доскѣ въ рукахъ искуснаго игрока; самое недоброжелательство къ намъ жителей не было помѣхой для плановъ Кутузова, не смотря на разныя со стороны ихъ препятствія и рѣшительный отказъ въ доставкѣ продовольствія.

Съ такими людьми, умными, хитрыми, знаться всегда труднѣе, чѣмъ съ полудикими.